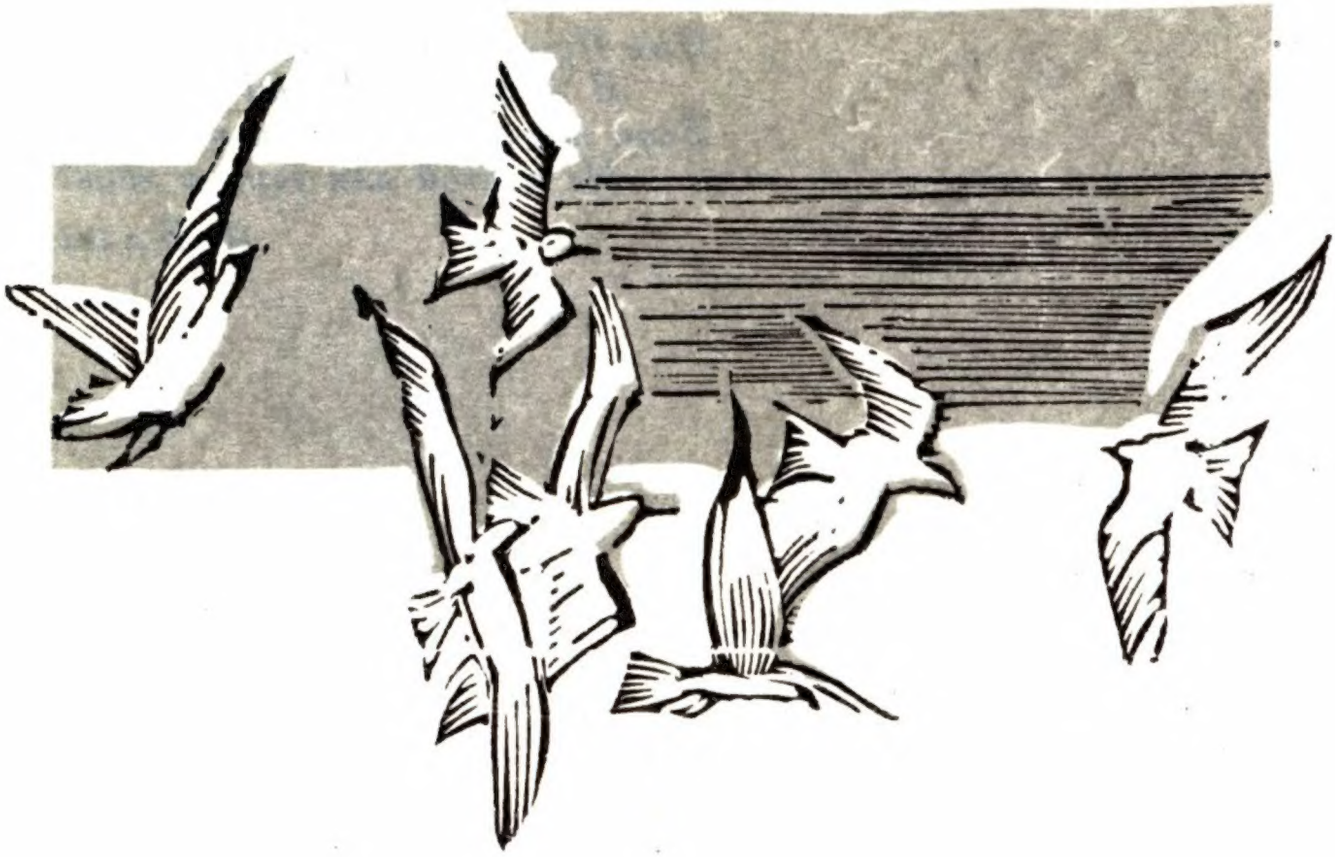
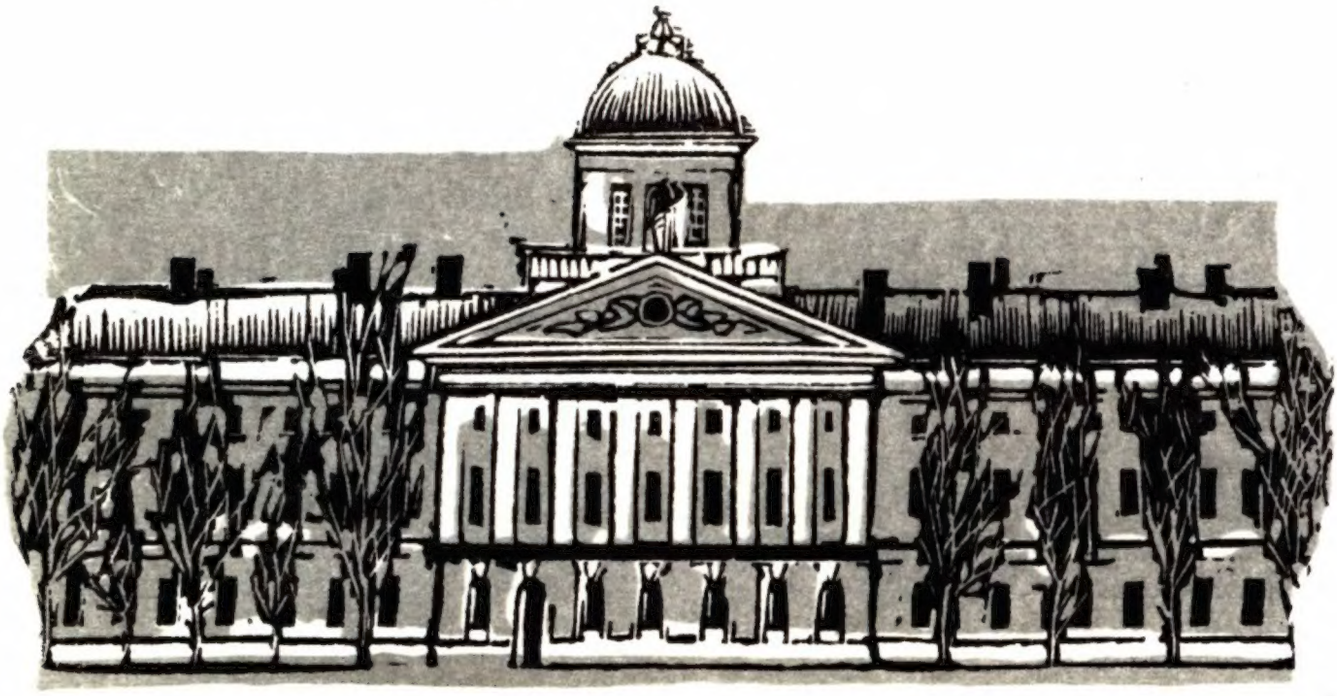
Л. Добринская

Рассказы из Пушкинского Дома

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый
Не пустой для сердца звук!

А. Блок





Л. Добринская

РАССКАЗЫ ИЗ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Эссе

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

8
Д 56

Научный рецензент —
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР
С. А. ФОМИЧЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления 7

ВСЕ О ПУШКИНЕ 31
Вестник пушкинского гения 39
Пушкин в Вероне 47

РУКОПИСИ РАССКАЗЫВАЮТ 63
Дуэль 75
Дело коллежского асессора 93
В то утро солнце не взошло... 109
«Прощайте, друзья...» 123

ЗАГЛЯНЕМ В ПРОШЛОЕ 145
Чисто русский анекдот 155

Художник Г. Фильчаков

4802000000—178
Д——————445—83
М101(03)—83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В Ленинграде, на набережной Макарова, стоит белоколонное здание с круглой башней под синим куполом. Это бывшая таможня, построенная по проекту архитектора И. Ф. Лукини в 1832 году.

Когда-то на стрелке Васильевского острова находился Петербургский морской порт — самое оживленное место столицы. Сюда стремились «корабли толпой со всех сторон земли». Свежий северный ветер развевал морские флаги Англии, Франции, Швеции, Голландии... На небольшом пространстве между причалами и новым зданием Биржи всегда было полно народу: мастеровые, бурлаки, матросы. Купцы заключали сделки, чиновники проверяли товар, с криком «Берегись!» тяжело бежали грузчики, пронзительными голосами зазывали покупателей торговцы сбитнем, квасом, пирогами.

Прошли годы, и порт переместился на Гутуевский остров. Переехала туда и таможня. А дом остался. На его фронтоне по-прежнему стоят, словно ждут корабли, медные фигуры Нептуна, Меркурия и Цереры — древнегреческих богов моря, торговли и плодородия.

По преданию, здесь бывал Пушкин... Теперь в этом здании размещается Институт русской литературы. На первом этаже в специальном кабинете находится личная библиотека Александра Сергеевича Пушкина, а в бывшей золотой кладовой таможни, куда раньше купцы складывали особо ценный товар, за многопудовой стальной

дверью хранятся рукописи великого поэта. На желтоватых листах — отчетливый, наклонный, торопливо рвущийся вперед, стремительно-прекрасный почерк Пушкина.

История Института необычна и замечательна. Она связана с историей русской культуры и судьбами удивительных людей.

В зале второго этажа у стены стоит старинный дубовый шкаф. Надпись на белом этикете, вероятно, вас удивит: «Шкаф Онегина». Разве реальная вещь может принадлежать вымышленному лицу?

...Это было почти 100 лет назад, 29 января 1887 года. Выдался на редкость холодный, ветреный день. К трехэтажному особняку, расположенному в аристократическом квартале Парижа, на улице Монтель, подошел высокий седой человек. Часы на городской башне пробили половину третьего. Особняк казался нежилым из-за спущенных массивных жалюзи на окнах. Но хозяин был дома: слуги получили приказ никого не принимать. В темном кабинете перед камином, оцепенело уставившись на огонь, сидел дряхлый старик. Он не любил этот день: тяготило бремя вынужденных воспоминаний, беспокоили визиты незнакомых людей, желавших увидеть виновника давней трагической истории. В сущности, жизнь сложилась удачно. Разжалованный, выгнанный из России офицер стал сенатором Франции, удачливым дельцом — учредителем банков, железнодорожных компаний, промышленных обществ. Пора бы забыть Петербург, Черную речку...

Седой человек поднялся на крыльцо. В рес-

пектабельном молчаливом доме непочтительно сильно грянул дверной звонок. Лакей со свечами тихо вошел в кабинет и, подав визитную карточку, растерянно выговорил:

— Месье Дантес, это русский. Он настаивает на свидании с вами.

Старик вздрогнул, с трудом разобрав русские буквы. Они сложились в имя... «Онегин!»

Дантес протестующе поднял руку, но твердые шаги, гулко отдававшиеся в пустой анфиладе комнат, уже приближались. Каминные часы тонко прозвенели 2 часа 45 минут пополудни. Седой человек в черном сюртуке встал у дверей. Он увидел старика, и стальные глаза его недобро сверкнули. Надвигаясь на Дантеса, Онегин громко и размеренно сказал:

— Ровно пятьдесят лет назад в эту самую минуту скончался Александр Пушкин. Русская литература овдовела. Россия до сих пор плачет о нем. Вы убили его!

Возможно, все выглядело не совсем так, но свидание Онегина с Дантесом действительно состоялось. И убийца, наверное, испытал суеверный ужас при мысли о возмездии, которое предстает в облике ожившего литературного героя.

Кто же такой Онегин? Совпадение фамилий? Однако какое совпадение обстоятельств! Но... оставим пока эти вопросы без ответа.

В 1899 году Россия готовилась к всенародному празднику — 100-летию со дня рождения

А. С. Пушкина. При Академии наук была учреждена специальная комиссия для сооружения в Петербурге памятника великому поэту. Его предполагали поставить на берегу Невы, недалеко от Троицкого (ныне Кировского) моста. Но юбилей пришел, а памятник еще не был поставлен.

15 мая 1899 года в Большом конференц-зале Академии наук открылась юбилейная пушкинская выставка. Ее организаторами и руководителями были академик Л. Н. Майков и молодой ученый-пушкинист Б. Л. Модзалевский. Огромный труд понадобился, для того чтобы найти и собрать у частных лиц и различных учреждений более 770 экспонатов: писем, рукописей, книг, вещей Пушкина, иллюстраций к его произведениям, портретов родных, друзей и даже фотографий современников поэта. Когда весь этот громадный и до того времени рассеянный по свету материал соединился, получилась яркая и красочная картина жизни и деятельности Пушкина. Необыкновенная выставка превратилась в волнующий праздник для почитателей поэзии Пушкина. Посетители впервые увидели рядом несколько портретов Пушкина. В них каждый художник отобразил свое понимание творчества поэта, выделил наиболее запомнившуюся черту внешности. «Многоликость» изображений позволяла представить образ Пушкина более полно, живо. Еще в 1827 году писатель Николай Полевой писал: «Физиономия Пушкина — столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предпо-

ложить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие. Действительно: гений пламенный, оживляющийся при каждом новом впечатлении, должен изменять выражение лица своего, которое составляет душу лица». Неожиданным для всех было появление на выставке одного из самых замечательных портретов Пушкина.

Долгие годы его считали пропавшим. Судьба портрета туманна и загадочна. Многое осталось тайной и до сих пор...

В 1827 году С. А. Соболевский, близкий друг поэта, заказал в Москве для себя его портрет известному художнику В. А. Тропинину. Заказчик хотел видеть не парадное изображение, а обыкновенного, «домашнего» Пушкина. Поэтому убедил его позировать в домашнем красивом халате. По просьбе живописца Пушкин ходил на сеансы к нему домой на улицу Ленивку, близ Каменного моста. Тропинин закончил свою работу в апреле 1827 года. Газета «Московский телеграф» в майском номере писала, что «сходство портрета с подлинником поразительно». Соболевский очень дорожил этим портретом. Уезжая за границу, он побоялся взять его с собой и оставил в доме своей приятельницы Авдотьи Елагиной. Каково же было его отчаяние, когда, вернувшись через 5 лет, он обнаружил, что портрет, без ведома хозяев дома, подменен искусно сделанной копией! Замечательное истинное произведение Тропинина исчезло, и более 30 лет о нем не было ни слуху ни духу.

И вот к 100-летию он наконец объявился! Внучка Авдотьи Петровны, представившая его на выставку, утверждала, что семья Елагиных получила его от неизвестного помещика, к которому портрет попал после похищения.

Но в зале Академии наук разгорались споры. Те, кто видели прежде тропининский портрет, находили разницу в прорисовке волос и бакенбард, складок одежды, в самом взгляде поэта, менее живом и вдохновенном. Другие говорили, что, по слухам, еще в 1850-х годах истинный портрет был куплен князем М. А. Оболенским в Москве у антиквара Бардина, «известного плута и мошенника», и будто бы сам Тропинин признал его подлинность. Так каждый утверждал свое. Правда, все сходились на том, что если это копия, то копия мастерская.

Только через много лет, уже в наши дни, выяснится, что истинным был действительно портрет, купленный Оболенским. Теперь его можно видеть в Третьяковской галерее. А на юбилейной выставке Академии наук появилась та самая копия, которой когда-то подменили оригинал. Она находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина у нас в Ленинграде. Имя автора (вероятно, крепостного) до сих пор неизвестно.

Вещи поэта, представленные на выставке, отражали интересы его жизни и поэзии. Но за шесть десятков лет, прошедших после гибели хозяина, все они уже приобрели свою историю. Некоторые успели переменить не одного владельца, и каждый берег их как святыню. Знаменитая певица

П. Виардо прислала из Франции кольцо. Пушкин очень любил этот золотой перстень с резным восьмиугольным сердоликом и древнееврейской таинственной надписью. Иван Сергеевич Тургенев писал в 1880 году: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну Павлу Васильевичу, который подарил его мне». После смерти Тургенева его близкий друг Полина Виардо возвратила России драгоценную реликвию.

Увы, так поступали не все. Переходя от хозяина к хозяину, рукописи и вещи поэта нередко делались предметом купли-продажи, попадали в нечистые руки торговцев, некоторые вместе с владельцами уезжали за границу, и след их терялся...

У одного экспоната посетители стояли подолгу. Утихали разговоры, воцарялось горестное молчание: это была пуля, так дико и преждевременно пресекшая дни великого сына России. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» автор очерка, посвященного открытию выставки, писал о трагическом экспонате: «На вид это маленький, кругленький, темный шарик, изящно отделанный в золото в виде брелока, но без содрогания смотреть на него невозможно!»

Юбилей закончился, и собственники вновь разрознили драгоценные автографы поэта, ру-

кописи, черновики произведений. Они могли их дарить, завещать, продавать, перевозить в разные города, хранить в неподходящих условиях. Это затрудняло издание сочинений поэта по подлинникам произведений, изучение его жизни и творчества и, в конце концов, могло привести к утрате национального достояния русского народа.

Как же сберечь весь этот ценный материал, который впервые после смерти Пушкина был собран воедино, помешать ему вновь распылиться, погибнуть?

Шло время. Прежняя идея установки памятника-скульптуры стала казаться слишком скромной и уступила место новому грандиозному плану — создать специальное учреждение с музеем и архивохранилищем, посвященное Пушкину как родоначальнику всей русской литературы. Академия наук решила воплотить в жизнь благородную идею. Для необычного памятника великому поэту предлагали названия: «Одеон имени Пушкина», «Дом корифеев русской литературы», «Парфенон русской литературы». Но названия казались слишком высокопарными, иностранные слова коробили ухо... А может быть, просто ПУШКИНСКИЙ ДОМ? Это имя понравилось всем.

15 декабря 1905 года в Академии наук было принято решение об основании Пушкинского дома. В специальном положении говорилось, что Пушкинский дом «создается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине для собирания всего, что

касается его как писателя и человека». Вместе с тем предусматривалось собирать, хранить, изучать все то, что связано с деятельностью других выдающихся представителей русской литературы.

Так впервые в России появился научный центр по собиранию и изучению русского классического наследия XVIII—XIX веков. Возник он не случайно. К этому времени, к началу XX века, в итоге своего мощного двухвекового развития русская классическая литература приобрела всемирное значение.

У Пушкинского дома сразу появились друзья. Со всех концов страны в музей стекались материалы, документы пушкинской эпохи, памятные реликвии. Ученые, писатели, общественные деятели дарили новому музею ценные автографы и целые библиотеки. Свое богатейшее книжное собрание передал Пушкинскому дому и его директор, историк Н. А. Котляревский. А самым первым подарком стал портрет А. П. Керн, чей пленительный образ вызвал к жизни прекрасные строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Портрет принесла внучка Анны Петровны Керн вместе со скамеечкой, на которой любил сиживать поэт.

Богатства Пушкинского дома увеличивались, росли. Но не было главного, того, о чем мечтали ученые, — личной библиотеки Пушкина. След ее затерялся. В Петербурге ходили слухи, будто одно время библиотека помещалась в каком-то подвале, потом в имении одного из сыновей Пушкина. Но случайный пожар уничтожил дом и постройки со всем содержимым...

Обнаружил библиотеку академик Л. Н. Майков. Б. Л. Модзалевский, один из основателей Пушкинского дома, познакомился с библиотекой, внимательно перелистал все книги и составил подробный ее каталог.

Библиотека поэта была первым значительным и фундаментальным приобретением Пушкинского дома.

Долгое время музей не имел своего крова, был бездомным. Собранных по добровольной подписке средств оказалось недостаточно, и постройка здания откладывалась. Музей не получал финансовой помощи от государства и существовал благодаря энтузиазму ученых.

После революции, в 1918 году, Советское правительство специальным постановлением зачислило Пушкинский дом в состав научных учреждений Академии наук. Книги, рукописи, ценные экспонаты временно разместили в Большом конференц-зале Академии наук. Посередине зала, где на длинном постаменте стоял гигантский скелет доисторического животного диплодока, сотрудники Пушкинского дома «построили» себе небольшие «кабинеты», разделенные стенами из

пустых ящиков. Продолжалась гражданская война, в Петрограде не было хлеба, дров. От беломраморных стен и замерзших окон веяло холодом, по коридорам гуляли ледяные сквозняки. Но со всех концов страны в Пушкинский дом присылали рукописи, переписку, портреты русских писателей, архивы и библиотеки историков, литературоведов, собрания известных коллекционеров.

В состав Пушкинского дома вошли и целые учреждения: Пушкинский музей Александровского лицея, Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. Все это нужно было привести в порядок, систематизировать, обеспечить сохранность драгоценных экспонатов. И все же горстка сотрудников, помимо этой огромной работы, начала изучение сокровищ Дома и их пропаганду. Организовывались первые выставки, посвященные русской литературе и отдельным писателям.

Первые сборники научных трудов сразу же привлекли внимание ученых в нашей стране и за границей. Несколько книг, выпущенных Пушкинским домом, заинтересовали В. И. Ленина. В каталоге кремлевской библиотеки значилось 15 книг, изданных в 1921—1923 годах. Среди них работы И. А. Кубасова «Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения», А. С. Полякова «О смерти Пушкина (по новым данным)», а также научные публикации произведений и писем Пушкина, Некрасова, Гончарова, Тургенева.

Работа Пушкинского дома интересовала многих писателей, ученых, общественных деятелей. В его организации принимали участие А. М. Горький, А. В. Луначарский, А. Н. Толстой.

Другом дома был и Александр Блок. Он посещал выставки, знал сотрудников, беседовал с директором Н. А. Котляревским. В своем дневнике 19 апреля 1918 года Блок записал: «В Академии наук утром. Знакомство с Модзалевским и др[угими]. Много разговоров». Его волновала судьба Пушкинского дома, были близки и дороги новые исследования ученых в области русской литературы, и особенно изучение Пушкина как поэта и человека.

В день 84-й годовщины гибели Пушкина Блок выступил с речью «О назначении поэта» и сказал прекрасные слова: «Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись: огромными буквами написано: «Пушкин». Это имя, этот звук наполняет многие дни нашей жизни».

За несколько дней до этого выступления, по просьбе сотрудников, он написал в альбоме автографов посвящение Пушкинскому дому:

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!..

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?..

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную мглу,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Это стихотворение было его последним законченным произведением и своеобразным завещанием.

Блок прощался с любимым поэтом, память о котором хранил Пушкинский дом.

В 1927 году Пушкинский дом получил постоянное помещение — великолепное, обширное здание бывшей таможни.

...Зимой 1928 года к таможне подъехали розвальни и в подъезд внесли восемь фибровых чемоданов.

В первом оказались автографы Пушкина, бумаги В. А. Жуковского, в других — самые ценные рукописи и книги в великолепных переплетах с золотым тиснением, портреты, гравюры, акварели...

Через несколько дней с железной дороги привезли большие ящики, тщательно упакованные в деревянные клетки, с другими книгами, большими портретами, секретерами и книжными шкафами. Когда ящики вскрыли, вынули мягкую стружку, развер-

нули рогожу, один из портретов вызвал общее внимание: портрет владельца коллекции, прибывшей из Франции, — А. Ф. Онегина.

Вот мы и вернулись к этому имени. Кто же такой Онегин?

Жил в Петербурге странный и загадочный человек. Никто не знал ни его прошлого, ни его родителей. Рассказывал о себе неохотно. Известно лишь было, что он — подкидыш, его ребенком нашли на скамье Александровского сада... Звали человека Александр Федорович Отто. И была у него большая и глубокая страсть, прошедшая через всю его жизнь. Он любил поэзию Пушкина, любил так сильно, что даже переменил свою фамилию на имя любимого литературного героя и стал Онегиным. В те времена в России изменить фамилию можно было лишь с помощью высокого покровительства. В петербургских гостиных любители разгадывать тайны шептали: «Он сын императора и фрейлины!» Другие считали иначе: «Онегин — побочный сын Василия Андреевича Жуковского! Недаром Павел Васильевич Жуковский подарил ему переписку отца с Пушкиным».

На протяжении многих лет Александр Федорович был дружен со многими выдающимися представителями русской культуры. Некоторое время был секретарем у И. С. Тургенева. Литературоведы полагают, что Онегин — прототип Нежданова, героя тургеневской повести «Новь». В судьбе Онегина и Нежданова сходится ряд биографических данных: тайна рождения, сильная любовь и разлука с любимой, разочарование в людях...

Действительно, Павел Васильевич, сын В. А. Жуковского, подарил Онегину пакет с письмами Пушкина и те бумаги, что имели отношение к дуэли. К этим рукописям он добавил новые, — покупая или получая в подарок. Покинув в 1860 году Россию, Александр Федорович продолжал собирать издания сочинений Пушкина, сочинения о нем, его автографы, а также письма, портреты, памятные вещи других русских писателей. Так образовался внушительный музей редчайших экспонатов истории русской культуры.

В России знали об Онегине и его собрании. В 1908 году Б. Л. Модзалевский побывал в Париже и сделал предварительное описание с научной характеристикой коллекции. Академия наук заключила соглашение с Онегиным о передаче его музея в собственность Пушкинскому дому с условием, что владельцу (Онегину) предоставлялось пожизненное право пользоваться им и пополнять. Собрание должно было поступить в Россию по завещанию Онегина, после его смерти.

Как же выглядел этот музей? Каким был сам Онегин?

В последнем предвоенном номере журнала «Огонек» я нашла воспоминания советского литературоведа А. Дермана, который встретился с ним в Париже весной 1911 года.

Квартира Онегина находилась на Елисейских полях. Дерман без труда нашел нужный дом, позвонил. Тяжелая деревянная дверь медленно отворилась. Молодой человек сделал движение, чтобы войти, и увидел... толстую железную решетку. За ней

стоял сильного сложения старик в белой, небрежно застегнутой рубашке. Из-под косматых седых бровей на непрошеного гостя глядели сумрачные глаза. Филолог понял: Онегин! Краснея от неловкости, молча, сквозь решетку протянул ему рекомендательное письмо. С тем же сумрачным выражением старик пробежал его, хмуро усмехнулся и отпер решетку. Квартира состояла из трех тесно заставленных комнат. Преодолевая смущение, молодой человек, запинаясь, спросил:

— А... с какого места начинается собственно музей?

Онегин ответил, указав пальцем на простую железную койку в углу:

— Вот кровать, на которой я сплю, — это не музей, а прочее все — музей.

Какое огромное и пестрое богатство он заключал! На стенах висели портреты великих писателей, артистов, композиторов. Под стеклом хранились автографы Тургенева, Жуковского, Чехова, Бетховена, Диккенса. В нескольких, отдельно лежащих папках содержались рукописи Пушкина! Хозяин с гордостью взял одну из папок, раскрыв, провозгласил:

— Его сиятельство граф Нулин. Весь!

И в голосе звучала такая особенная, торжественная нота! Филолог не мог сдержать невольного движения, рука сама протянулась к рукописи...

Онегин сурово отрубил:

— Без рук!

Бо́льшую часть квартиры занимали шкафы с книгами. Сцепив за спиной руки, молодой чело-

век читал на этикетах: «Библиотека Жуковского», «Прижизненные издания Пушкина»...

Хозяин глядел исподлобья, отвечал скупо. Вдруг спросил, ткнув пальцем в портрет на стене:

— Кто?

— Вяземский!

— А этого знаете?

— Евгений Баратынский!

Ответами гость наконец умилостивил старика.

— А-а, гляди, ведь знает. А то иногда придет какой-нибудь наш соотечественник — ни русской литературы, ни литераторов не знает. Признаться, оттого и пускаю сюда редко...

Филолог получил приглашение прийти еще раз, вечером...

Взволнованный увиденным, бродил он по весеннему Парижу. На набережной Сены купил у цветочницы букетик нежных пармских фиалок. Едва дождался сумерек. Когда вспыхнули фонари, он снова оказался у заветной двери.

Онегин, в черном сюртуке, галстуке, тщательно причесанный, сидел в глубоком, покойном кресле. Кругом на полу были разбросаны прочитанные французские газеты. Сейчас он выглядел совсем иначе. Красивая седина так украшала его, на гладких, почти без морщин, щеках пробивался румянец. Да и глаза смотрели веселее.

Заметив на письменном столе прекрасную посмертную маску Пушкина, молодой человек положил рядом с ней фиалки... Онегин был тронут. Больше не экзаменовал, снимал с полок рукописи, книги и рассказывал, рассказывал...

— Вот, извольте видеть: издание «Руслана и Людмилы». Первое! Продавали в букинистической лавчонке, потрепанную, без переплета. У меня уже был такой экземпляр в гораздо лучшем состоянии. И брать не думал, машинально раскрыл... И каково счастье! На полях пометки! ПУШКИНА пометки!

Гость невольно любовался этим человеком. Вдруг с острой жалостью понял: несмотря на то что речь Онегина дышала независимостью, а в осанке сквозила надменность, — он был очень одинок, ранним и беззащитен. В словах его иногда ощущалось какое-то застарелое и едкое чувство обиды...

Скоро филолог узнал ее причину. В России не признавали Онегина как исследователя-пушкиниста, отказывались печатать его статьи, считали дилетантом. Аккуратно поставив книги на полки, он с горечью сказал:

— Петербургская Академия наук купила у меня музей за десять тысяч единовременно и по шесть тысяч ежегодно до самой моей смерти. Думают, старый, так умру скоро... — Александр Федорович быстро отошел от шкафа и, уставя палец в сторону гостя, почти прокричал: — А я думаю: «Шалишь, госпожа Академия! Уж теперь-то я вгоню тебя в расход». И заладил жить еще лет двадцать! — Его стальные глаза сверкнули невеселой усмешкой.

Но гневная вспышка быстро погасла, он сел в кресло, крепко потер лоб, виновато проговорил:

— Простите...

За окном стих уличный шум, Париж засыпал. Старик полулежал в кресле, прикрыв глаза. Молодой ученый собрался откланяться. Онегин остановил его движением руки:

— Не думайте, что познакомились с неудачником. Верю, отечество вспомнит мой труд и умножит богатство. Хотя, должно быть, это будет не скоро... Но я счастливый человек!

Александр Федорович поднялся, подошел к окну, обернулся и... филолог поразился тем, как побледнело его лицо, а глаза стали яркими, огненными.

— Хотите, — отрывисто произнес Онегин, — хотите услышать, как читал свои стихи Пушкин? Современники и друзья Пушкина читали мне в его манере. Ну так назовите любое стихотворение.

Громадное волнение этого человека передалось и его гостю, он сказал первое, что пришло в голову:

— «Заклинание».

Онегин с удовлетворением произнес:

— А-а! И вы тоже любите его! — Взял с полки томик стихов, перелистал, показал страницу. На полях против «Заклинания» аккуратно старческим почерком было написано карандашом: «Чудо!».

Он встал у стола, на котором лежала маска Пушкина, помолчал. И вдруг обеими руками закрыл себе лицо и горячо, страстно начал:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые...

Онегин читал с пафосом, раскачиваясь всем корпусом, не отрывая рук от лица, удивительно разнообразно модулируя своим сильным, хотя уже глуховатым голосом, придавая особый оттенок каждой строке, каждому слову, скандировал не резко...

О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Окончив последнюю строфу, он продолжал стоять, закрыв руками лицо, но уже неподвижно.

И вдруг отбросил прочь руки и коротко засмеялся. Засмеялся, но из глаз катились слезы.

— Да, только и был один поэт — Пушкин! — уверенно произнес он.

Онегин рассказал своему гостю и подробности встречи с Дантесом.

Убийца великого поэта не дожил до 100-летия Пушкина всего 4 года. Он умер в городе Сульц в 1895 году в возрасте 83 лет. Женатый на Екатерине Гончаровой (сестре Наталии Николаевны), Жорж Дантес имел от нее трех дочерей и сына. Одна из дочерей — Леония-Шарлотта, по выражению Онегина, была «девушкой необыкновенной». Во французской семье, во французской обстановке, не видя и не зная русских, она изучила русский язык. Как вспоминал ее брат, Леония обожала Россию и больше всего на свете — Пушкина! У нее часто бывали вспышки непонятного для окружающих гнева, чередовавшиеся с мрачной печалью. Однажды во время такой вспышки она назвала своего отца убийцей. И больше никогда не говорила с ним. В своей комнате на месте иконы Леония повесила портрет Пушкина. Любовь к Пушкину и ненависть к отцу привели ее к нервному заболеванию. Она скончалась совсем молодой.

...Тогда, в феврале 1887 года, А. Ф. Онегин пришел к Дантесу, чтобы задать ему лишь один вопрос. Увидев трясущегося старика, Онегин не разжалобился. Вот он, прервавший великую жизнь. Дважды убийца. Прямой и суровый, как правосудие, Онегин спросил:

— Как вы на это решились, неужели не знали, что Пушкин — гений, слава России?

— А я? — удивился Дантес. — Он мог меня убить! А ведь я потом стал сенатором...

Бедная Франция могла лишиться его сенаторских услуг!

Онегин дождался признания на родине. Военные события 1914—1918 годов на некоторое время прервали регулярные отношения с Францией. Однако уже в 1919 году по заданию Академии наук академик С. Ф. Ольденбург начал поиски с целью выяснить судьбу парижской коллекции. При помощи советских дипломатов отношения с Онегиным были восстановлены. Советское правительство заплатило ему за новые приобретения и работу по сохранению музея 100 тысяч франков, и онегинская коллекция окончательно стала собственностью Советского государства. Скончался Александр Федорович Онегин в 1925 году. В своем завещании он подтвердил право собственности на его музей советской Академии наук и, кроме того, оставил ей все накопленное им состояние — более 600 тысяч франков.

Если первым значительным и фундаментальным приобретением Пушкинского дома сделалась, как мы помним, библиотека великого поэта, то вторым по значению поступлением стала коллекция А. Ф. Онегина. Она составила основу рукописного фонда, который быстро пополнялся.

В 1930 году Пушкинский дом был преобразован в Институт русской литературы. На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 4 марта 1938 года Институт становится **единственным в стране хранилищем рукописей Пушкина.** С тех пор, где бы ни находился автограф поэта, он обязательно передавался, передается и должен быть передан в Пушкинский дом.

В 1949 году Пушкинский дом стал называться так, как именуется и теперь: Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Сегодня Пушкинский дом — один из крупнейших научных и культурных центров. Ни в нашей стране, ни за рубежом нет подобного гуманитарного научно-исследовательского учреждения, которое обладало бы такой богатой базой для работы ученых, заключенной в рукописных, книжных и изобразительных собраниях. Институт выступил инициатором академических изданий классиков русской литературы. Первым из них было академическое издание сочинений Пушкина в 16-ти томах, за ним последовали собрания сочинений Радищева, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Тургенева, Достоевского, Некрасова. Сейчас проектируется новое академическое издание Пушкина.

Пушкинский дом — замечательное научное учреждение. Его деятельность многогранна, сложна и интересна. Обо всем этом просто невозможно поведать на страницах маленькой книжки.

Рассказы, которые вы сейчас прочитаете, посвящены лишь нескольким экспонатам, судьба которых показалась мне особенно удивительной и таинственной. Они помогут нам совершить путешествие по Пушкинскому дому, познакомиться с работой Пушкинского кабинета, Рукописного отдела и Литературного музея.

Всё о Пушкине

В Пушкинском кабинете за створками шкафов — необыкновенные богатства и необычные истории, судьбы людей и судьбы книг...

Здесь можно быстро получить ответ на любой вопрос, касающийся жизни и творчества великого поэта. Помогут девять справочных каталогов.

Что же спросить для начала?

Не хотите ли вы узнать, на каких своих рукописях Пушкин нарисовал портреты друзей? Минуту!

Пущин И. И. Так, рисунок пером на черновой рукописи V главы романа «Евгений Онегин». 1826 год. Здесь же — профили В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеева, П. А. Вяземского...

Н. В. Гоголь. Рисунок карандашом на отдельном листе. 1833 год.

По многим рукописям разбросаны и автопортреты: в рабочей тетради 1824 года, на отдельном листе 1827 года, на черновиках писем А. Х. Бенкендорфу 1832 года, В. А. Соллогубу 1836 года...

В этом кабинете, где работают ученые-пушкинисты, собраны все издания сочинений А. С. Пушкина на 32 иностранных языках и 67 языках народов СССР, а также вся литература о нем, вышедшая в России и за границей за 170 лет. Пушкин был не только писателем, но и журналистом, критиком, издателем. Поэтому в кабинете есть экземпляры журнала «Современник», «Литературной газеты», в издании которых он принимал самое непосредственное участие, и литературные альманахи 20—30-х годов XIX века. В этих небольших, изящных книжках, украшенных гравюрами лучших художников того вре-

мени, часто появлялись новые произведения Пушкина.

Сегодня в любой домашней библиотеке можно найти книгу со стихами, поэмами великого поэта или современное многотомное издание его произведений. Но интересно знать: какими видел свои книги сам Пушкин? Какой, например, предстала перед читателем в 1825 году первая глава «Евгения Онегина»? На вид это маленькая скромная тетрадочка. На ее обложке в красивой наборной раме заглавие. За последней страницей в такой же рамке объявление: «Продается в книжном магазине И. В. Сленина, у Казанского моста по 5 руб., а с пересылкой по 6 руб.».

Ни иллюстраций, ни рисунков...

Но друг Пушкина и издатель «Евгения Онегина», писатель П. А. Плетнев, которому поэт посвятил свой «роман в стихах», положил начало особому стилю. Этот «пушкинский стиль» стал ведущим во всех последующих изданиях сочинений А. С. Пушкина вплоть до сегодняшнего дня. Хороший, четкий набор, простые, но красивые обложки, ничего лишнего...

Книжка первой главы «Онегина» была напечатана в 1825 году. Тираж — 2400 экземпляров, для того времени очень большой. Тогда круг читателей был ограниченным и книги обычно издавались тиражом в 1200 экземпляров.

Первая глава произвела необыкновенное впечатление. 2400 счастливых владельцев книжечки со строгим, ясным шрифтом говорили только о ней. «Читали ли вы Онегина? Каков вам кажется

Онегин? Что вы скажете об Онегине? — вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей» — так начиналась одна из статей петербургской газеты «Северная пчела».

«Великий Пушкин явился царем-властителем литературного движения, — вспоминал А. И. Герцен, — каждая строка его летала из рук в руки; печатные экземпляры «не удовлетворяли», списки ходили по рукам». Об «Онегине» восторженно отзывались друзья Пушкина. А. А. Дельвиг писал ему: «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты». Поэт и драматург П. А. Катенин назвал роман «драгоценным алмазом в русской поэзии».

Имя Пушкина хорошо знали во многих странах мира еще при жизни поэта. В 1825 году появился первый иностранный перевод, изданный в Швеции, в городе Або, на шведском языке: «Кавказский пленник». А в следующем году в Париже вышла великолепная книжка с тремя литографированными картинками. Гравированная виньетка на ее цветной обложке изображала «Фонтан слез». (Так назвал поэму «Бахчисарайский фонтан» французский переводчик, литератор Жан-Мари Шопен, «боясь оскорбить татарским словом французскую привычку к сладкогласию».) В книгу вкладывался нотный лист — «Татарская песня». Мелодию ее сочинила жена переводчика.

В Германии с «Евгением Онегиным» познакомились через 10 лет после его завершения Пушкиным. Для немецкого читателя непривычное

имя героини было заменено. Они читали: «Итак, она звалась Иоганной»!

С тех пор роман этот переводили много раз. Даже И. С. Тургенев совместно со своим другом Луи Виардо делал попытку прозаического перевода «Онегина» на французский язык. Получился полный, «необычайно верный» перевод, как считал Тургенев. И сегодня у переводчиков возникают трудности в работе с пушкинским текстом из-за неповторимого своеобразия метрической формы стиха, напряженной сжатости мысли, смысловой многозначности, большой обобщенности и насыщенности образов... Один из английских переводчиков, Питер Леви, писал о том, что Пушкин в силу «печально известной труднопереводимости пушкинских строк на английский язык... до сих пор остается для большинства моих соотечественников айсбергом в море поэзии». Интерес к творчеству великого русского поэта так велик, что сама сложность задачи привлекает мастеров перевода к его произведениям. Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отнесла «Евгения Онегина» к числу лучших книг 1964 года, обладающих особыми литературными достоинствами и современных по содержанию. Сейчас появились иностранные переводы пушкинских произведений, которые считают почти идеальными.

Когда создавался Пушкинский дом, задачи хранения наследия переплетались с задачами просветительными, культурными. И теперь деятельность Института русской литературы тесно

связана с современными проблемами. С каждым годом пополняется наша Пушкиниана. Интерес к Пушкину не ослабевает с годами, напротив, становится все более глубоким.

В Пушкинский кабинет обращаются ученые, литературоведы и историки многих стран в связи с изучением его творчества; педагогов интересует методика преподавания произведений Пушкина в школе; работников музеев — местонахождение и история вещей и рукописей поэта. Драматурги, писатели, режиссеры хотят знать все не только о нем самом и его современниках, но и представить время, особенности быта. Они ищут конкретные сведения о внешности Пушкина, его друзей, интересуются данными о костюмах, в которые могли быть одеты пушкинские герои. И книги отвечают на эти вопросы, беседуют с читателем неповторимым, своеобразным языком XIX века, полнее раскрывая перед ним дух эпохи, которая по праву получила название пушкинской.

Снимем с полок две книги. Как раз они-то и помогли созданию сюжетов двух моих историй.

Первая глава — «Вестник пушкинского гения» — расскажет о том, где и когда было опубликовано первое стихотворение поэта. Другая история — «Пушкин в Вероне» — уведет нас далеко в Италию, где так мечтал побывать Пушкин:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас...

Пушкинский кабинет получил в подарок книгу из итальянского города Вероны — двуязычное издание поэмы «Медный всадник» на русском и итальянском языках. Ее называют «веронской билингвой». Книга напечатана шрифтами, которые во всем мире стали известны под названиями Пушкин и Данте. Русский и итальянский художники, создавшие их, продолжили традицию «пушкинского стиля». А перевела поэму на итальянский язык праправнучка доктора Арендта Нерина Мартини-Бернарди. Потомки врача, лечившего Пушкина, не забывают русский язык. Нерина знала его с детства. Итальянцам известен ее перевод «Ста басен Крылова». О работе над уникальной книгой рассказывал мне известный советский художник В. В. Лазурский. Вспоминая об Италии, он называл имя юной помощницы художников. Судьба девочки из Вероны невольно вплелась и в мой рассказ.

ВЕСТНИК ПУШКИНСКОГО ГЕНИЯ

Вечером 26 мая солнце заходило, не зная о том, что у него появился соперник. Блестело золото зари в оконных стеклах, пряно пахла на пустырях нагретая дневным жаром крапива. А в легких сумерках вдоль улиц вдруг заструился юный и нежный аромат. Цвели березы. И тогда по всей Москве ударили колокола. Они гремели у Неглинных и Покровских ворот, на Арбате, на Тверской и в Китайгороде. Это был красный, праздничный звон. В семье Пушкиных родился мальчик — будущее солнце русской поэзии. Моск-

вичи выбегали на улицы, бросали вверх свои картузы и кричали «ура!».

Правда, ни колокола, ни крики не имели отношения к мальчику. В Москве получили известие о рождении внучки императора Павла I. Но все равно радостно думать, что был празднично отмечен весенний день, когда на свет явился русский гений.

Стихи Александр Пушкин начал писать еще в Лицее. Но для читателя поэт рождается тогда, когда он впервые напечатан. Когда же и где появилось первое стихотворение Пушкина?

В конце июля 1814 года в Петербурге готовились к встрече победоносной русской армии, освободившей Россию и Западную Европу от ига Наполеона. У въезда в столицу построили Нарвские триумфальные ворота. Их стройную арку венчала колесница Славы. Шесть алебастровых коней символизировали шесть полков прославленной 1-й гвардейской дивизии. По обеим сторонам триумфальных ворот плотники спешно достраивали просторные трибуны для публики и особые галереи для императорской семьи и вельмож.

Весело стучали топоры, тонко визжали пилы. Повсюду звучала громкая музыка — оркестры без устали репетировали. Петербург с ликованием ожидал знаменательного дня...

Московскую книжку «Вестника Европы» раскупили быстро. Книг еще не так много, и каждая — событие. Именно в этом журнале в 1812 году появилось стихотворение «Певец во стане русских воинов». В. А. Жуковский создал его в военном походе под грохот пушек русской армии, накануне решаю-

щего сражения с французами. В поэтических тостах «певец» напоминал солдатам о славных полководцах России — Дмитрии Донском, Петре I, Суворове, прославлял героев идущей войны «за родину святую» — фельдмаршала Кутузова и смелых генералов — Ермолова, Раевского, Платова, Д. Давыдова, Витгенштейна.

...Читатель не спеша, со вкусом знакомится с журналом: «Что-то будет в этом номере...» Рассматривает обложку, любуется виньеткой, читает титульный лист с фамилиями издателя и цензора: «Вестник Европы», издаваемый В. Измайловым, часть семьдесят шестая; печатать дозволяется. Ординарный профессор и кавалер Лев Цветаев».

Потом читатель ищет знакомые имена. Ага, вот сочинение славного Гете. И новенькая эпиграмма Пушкина, Василия Львовича: «Пиявицын, наш откупщик богатый». Дальше Шатобриан ругает Наполеона и прославляет Бурбонов, династию французских королей; пишут также, что генерал Дюмурье 20 лет назад предсказал событие, которое «страшным образом сбылося! — Французы посадили дерево свободы на отверстии вулкана». И снова поэзия: стихотворение «К другу стихотворцу». Подписано странно: Н.К.Ш.П. Кто это?

Это Александр Пушкин. Фамилию нужно читать наоборот, добавив гласные. Ему не хотелось подписываться полной фамилией — она уже стояла под эпиграммой дяди. В Пушкинском кабинете перелистываю знаменитый «Вестник Европы», тот самый, что стал вестником нового яркого таланта. Правда, автора никто не представлял и стихи его

никто не комментировал, — дескать, знакомьтесь, сегодня у нас в гостях — гений... А вокруг него — соломенная оправа, пустая кутерьма на желтых страницах с оспенными от времени пятнышками. Издатель Измайлов серьезно рассуждает о «мелких стихотворениях» какого-то Подшивалова. В отделе «Политика» сообщают о возвращении в Россию из Франции великого князя и о сенсации в Англии: принц-регент объявил, что намерен «не позволять принцессе являться ко двору!»

Все это сгорит, исчезнет «в дыму столетий». Ничтожные имена и события окутает мрак забвения. Останется веселое, легкое имя: Пушкин. Запомнил ли его первый читатель? Почувствовал ли он, как широко распахнулись двери русской литературы и как в просторные залы ее проник свежий, вольный ветер?

...А сочинителю всего 15 лет, он учится в Лицее и мечтает стать кавалеристом. Впечатлительный юноша романтически воспринял войну с Наполеоном: подвиги, сражения, опасность! Близилось время выпуска. Все лицеисты задумывались о будущем, одни намеревались поступить на военную службу, другие — в гражданскую. В послании «К другу стихотворцу» так явственно просвечивает юность и вместе с тем непостижимая для молодости мудрость, глубина мысли. Пушкин думает, какую дорогу избрать. Поэзию? Но...

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать.

Военная служба лучше, чем карьера чиновника. А путь литератора труден и тревожен:

Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
. . . . . .
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

«Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое», — заканчивает поэт свое обращение к другу: ирония юного стихотворца, будто бы достаточно знающего жизнь, чтобы судить о ней.

Однако все гораздо сложнее. За детскими строками встает громада судьбы, прекрасной и трагической, о которой никто еще, и он сам ничего не знает.

Пушкин еще сомневается в своем даровании, колеблется сделать окончательный выбор... Но нет сомнений о призвании друга у лицеиста Антона Дельвига. Он пишет ему послание, за текстом которого отношение всей лицейской братии:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением...

1817 год. Лицей окончен. Пушкин еще некоторое время думает о военной службе:

В шатрах, средь сечи, средь пожаров
С мечом и лирой боевой,
Рубиться буду...

Отец Пушкина, опасаясь за здоровье сына, воспротивился его желанию. Да и друзья отговорили. И в 1817 году он был зачислен в коллегию иностранных дел чиновником 10-го класса в должности переводчика. Но канцелярии созданы не для поэтов... Чиновничья служба не привлекала Пушкина.

...Он появляется в Петербурге в широкополой шляпе «боливар» (получившей название по имени вождя революционного движения в колониях Южной Америки Симона Боливара), в испанском плаще и широком модном черном фраке. Он выделяется одеждой, независимостью, смелостью и остроумием. Нельзя не заметить его курчавую голову и огненные глаза в партере театра, в литературных кружках и светских салонах. Один из современников позже вспоминал: «Как теперь вижу его живого... Очень подвижного... с великолепными большими чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе...»

Популярность его таланта необыкновенно растет. Старшие друзья-поэты с восхищением отзываются о новых произведениях. К. Н. Батюшков заметил, что «маленькому Пушкину Аполлон дал чуткое ухо».

«Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром как привидение», — восторженно восклицал В. А. Жуковский, прочитав обращенное к нему стихотворение «Когда, к мечтательному миру...». Особенное впечатление на любителей поэзии произвел отзыв Г. Р. Державина: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который еще в лицее перегонял всех писателей».

Но это далеко не все, что уже можно сказать о нем. В поэте рождается гражданин. Его голос крепнет. Еще в Лицее в послании «Лицинию» дерзко прозвучала строка: «Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода...». В Петербурге Пушкин оказывается в кругу будущих декабристов. Ему близки их идеалы, их мечты об уничтожении в России рабства и тирании. В оде «Вольность» голос поэта зазвучал грозно и сильно:

Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Пушкин выбрал свою дорогу. Он решил посвятить свою жизнь поэзии, он назвал свою лиру «грозной». Открылся путь к «гремящей славе» и к «горестям». Поэт недолго будет идти по этой дороге, которой избегает «колесо Фортуны». Он восславит свободу и создаст огромный поэтический мир. И когда Пушкин расстанется с Россией, с жизнью, скажут громко: «Закатилось солнце русской поэзии».

Но солнце восходит снова, оно восходит каждый день, и этому постоянству равно бессмертие гения.

ПУШКИН В ВЕРОНЕ

Зима в Вероне пахла цветами и снегом. Он быстро таял, крупные капли воды, качаясь, дрожали на листьях и свежей траве. К полудню солнце уже грело вовсю, нежило лучами, томило.

...Пушкин был высоким, красивым, с курчавой головой. Бертилла сразу узнала его. Спросила:

— Синьор Алессандро, хотите, я покажу вам Верону?

Поэт улыбнулся и протянул ей руку. Держась за руки, они легко сбежали по каменным ступеням на площадь Синьории, где стоит памятник Данте.

— Это великий поэт Италии, — сказала Бертилла. — Его дважды приговаривали к смертной казни, и он умер в изгнании. Посмотрите туда, синьор. Видите, там вдалеке, за Вероной, гора с зубчатыми башнями. Это замок Монтекки... А здесь, на площади, случилась дуэль Ромео и Тибальда. Их шпаги скрестились! И Ромео пронзил надменного Тибальда! Ведь он убил его друга, веселого Меркуцио...

Только мне жаль их всех, и Тибальда тоже. Дуэль — это, наверно, очень страшно, правда, синьор?

— Ты прекрасно рассказываешь, — сказал русский поэт. — Говори еще, маленькая Бертилла. Я вижу изумительный собор...

— О, это собор Сан Дзено, патрона Вероны. Знаете, он был негром! Интересно, да?

Бертилла нарочно повела гостя из России по своей узкой прямой улочке, где вечно полощется на ветру развешанное белье и громко перекликаются женщины. В синих джинсах и белой рубашке, с цветным платком, повязанным на загорелой шее, Пушкин был похож на обыкновенного веронского парня. Она слышала, как женщины переговаривались у них за спиной:

— Смотрите, у нашей птички Бертиллы, кажется, появился жених! — И весело смеялись, кричали вслед:. — Когда же свадьба?

«Хорошо бы встретить эту гордячку Лючию, дочь владельца велосипедной мастерской. Пусть она лопнет от зависти, — думала Бертилла. — Но у нее такое красивое платье и такие модные

дымчатые очки! А! Вот и она. Сейчас спросит: «Кто это?»

— Кто это у меня в помощницах? — вдруг, словно над самым ухом, прокричал голос хозяина. — Малютка Бертилла или спящая красавица?

Девочка очнулась от грез и ловко перевернула большой лист плотной бумаги, сохнувший на веревке. Потом, аккуратно расправив по плечам свои длинные черные кудри, ответила лукаво:

— Синьор Джованни, вы можете называть меня просто «красавица Бертилла»!

— Какова! — весело расхохотался хозяин и погрозил ей пальцем.

На станке, в тени, работали Рино и Марио. Синьор Джованни и русский художник возле окна проверяли напечатанные листы. Солнце опускалось, но нагретые каменные плиты источали сонное тепло.

...Лючия спросила, сощурясь:

— Кто это с тобой?

— О, это Пушкин, большой поэт России, — скромно сказала Бертилла.

— Вот как... — недовольно протянула Лючия и понеслась на своих длинных ногах дальше, показывать всей улице новое платье.

— Она совсем не такая красивая, как думает, — заметил Пушкин. — Твои глаза темнее ее модных очков... Хочешь, я куплю тебе розовое платье, что выставлено в витрине магазина у замка Скалиггеров? Ты будешь в нем лучше всех Лючий на свете...

— Ах, синьор, там одних оборок не сочтешь на сколько лир. А у поэтов редко бывают деньги. Иначе они не были бы поэтами, правда, синьор?

Пушкин засмеялся. И такой славный был у него смех!

«А вдруг он не приедет? — прервала себя Бертилла. — Но ведь русский художник сказал: «Пушкин мечтал побывать в Италии, и теперь его желание исполнится!» Совсем забыла! Как же я буду с ним разговаривать, знает ли он итальянский язык? Должен знать! Говорят, что наш язык самый нежный, музыкальный».

— Бертилла! — снова послышался голос хозяина. — Дай сюда лист, он, должно быть, просох. Все! На сегодня работа окончена. Помоги мне сварить кофе, малютка. «Мастерская Бодони» объявляет перерыв, синьор Лазурский! Чашка кофе и рюмка коньяку — вот что нам нужно. Мы это заслужили, слава мадонне!

Московский художник Вадим Владимирович Лазурский уже три недели жил на маленькой вилле Реджинетти ди Вальдонега. Ее владельцем был знаменитый итальянский художник-типограф, создатель шрифтов Джованни Мардерштейг.

Типографские шрифты — дело не простое. Их не выдумывают, а проектируют. (Русское слово «проектирование» очень точно соответствует английскому слову «дизайн», которое у нас теперь широко вошло в обиход.) Проектируют же их, изучая традиции первопечатников. Граверы XV—XVI веков,

используя рукописный опыт писцов древности, создали для только родившегося тогда книгопечатания превосходные, разнообразные шрифты. Первоисточником современного русского типографского шрифта явился гражданский шрифт, утвержденный Петром I в 1708 году. Он же, в свою очередь, был создан на основе кириллицы — славянской азбуки, названной так по имени славянского просветителя IX века Кирилла.

А первоисточником современного латинского шрифта стал шрифт антиква (то есть «древний»), возникший в эпоху Возрождения, в конце XV века. Ручную отливку шрифта впервые разработал около 1440 года И. Гутенберг.

Мардерштейг стремился возродить красоту первопечатных изданий, вернуть книге XX века достоинства, утраченные ею с развитием машинной печати. «Мастерская Бодони» находилась в нижнем этаже виллы, где стоял станок, почти такой же, как те, на которых в XV веке печатали первые книги. Мастерская именовалась в честь Джамбаттисты Бодони — его называли королем печатников и печатником королей. Он создал всемирно известные «благородные» шрифты. Шрифтом Бодони была напечатана первая книга Мастерской — «Новая жизнь» Данте.

Мардерштейг долго изучал работы разных мастеров. Строгий изысканный шрифт Франческо Гриффо — гравера XVI столетия и рисунки итальянских каллиграфов помогли художнику создать превосходную современную «антикву». Его шрифт получил название Данте.

Одновременно в Москве, также на основе шрифтов Гриффо и к тому же славянской кириллицы спроектировал великолепный шрифт В. В. Лазурский. Этот шрифт получил известность во многих странах под именем Пушкин.

Художники впервые встретились на Международной выставке книжного искусства в Лейпциге и оба поразились оригинальному сходству своих работ. В конце 1967 года Мардерштейг предложил художнику из России совместный труд: издание так называемой билингвы — русско-итальянского текста поэмы Пушкина «Медный всадник».

Встреча с Вероной была большой радостью для советского художника. В ее музеях хранились картины величайших мастеров живописи — Тициана, Пинтуриккьо, Джованни Беллини... Верона — древний город. За 90 лет до нашей эры здесь была римская колония, и до сих пор на ее улицах видны остатки римских учреждений, средневековые постройки. В Вероне родился замечательный итальянский художник Паоло Веронезе. Его рисунок был легок и артистичен. Пластика форм сочеталась с изысканной колористической гаммой. Сложные созвучия чистых цветов ошеломляюще объединялись светоносным серебристым тоном. Картины Веронезе служили прославлению Венецианской республики. Они часто украшали стены и плафоны зданий, излучая праздничный, ликующий свет...

В «Мастерской Бодони» трудились над книгой наборщик Марио Фанчинкани и печатник Рино Грацколи. 14-летняя девочка Бертилла увлажня-

ла бумагу, сушила готовые листы, а также помогала по хозяйству. Бумагу для «билингвы» специально заказывали в Пешии — она стоила очень дорого. Художники корректировали текст в наборе. Книга подвигалась медленно. За день на ручном прессе успевали отпечатать 4 страницы поэмы в 165 экземплярах.

Бертилла внесла кофейник и чашки. Мужчины рассматривали портреты Пушкина в книге, изданной в России.

— Вот это — известный портрет кисти Кипренского, — рассказывал русский художник. — Он нарисован до дуэли. А второй — Мазера — сделан через два года, но тоже очень похож и документален по обстановке, одежде...

«Да он еще и храбрец!» — подумала Бертилла и сказала:

— А мне нравится тот, где синьор Пушкин в плаще и шарфе.

— Бертилла, ты много болтаешь! Лучше аккуратно наливай кофе, — проворчал Мардерштейг.

— Синьор Вадими Владими, — с трудом выговорила имя девочка, — а когда же приедет ваш Пушкин?

Мужчины оторвались от книги и удивленно посмотрели на нее.

— Этим портретам больше ста лет, маленькая Бертилла, — тихо сказал русский.

— О синьор, — прошептала девочка, — больше ста! А я думала... Вы сказали, что он будет

здесь! — И с отчаянием добавила: — Зачем я родилась так поздно!

— Ну, ну, выше нос, Бертилла! Что за чушь пришла тебе в голову! — Мардерштейг взял из ее рук чашку. — А впрочем, это было бы неплохо. Тогда теперь тебе было бы лет сто двадцать — сто тридцать... Ты спокойно сидела бы в кресле, вязала чулок, трясла седой головой и не мешала бы двум серьезным синьорам. Беги-ка домой. Марш-марш!.. Славная девчонка, — сказал Мардерштейг, глядя ей вслед. — Что-то она себе напридумала. У нее вечно в голове фантазии. А работает хорошо. Дома большая семья, знаете ли...

Марио принес отпечатанные листы русского и итальянского текста. Лазурский просматривал текст и, как всегда, ощущал наслаждение от каждой строчки. Эту поэму он считал вершиной творчества Пушкина.

Вечер был тих и душист. На небе сгущались синие краски. Последние солнечные лучи создавали прелестную гамму. Из окна видны были черепичные крыши, стройные кампанилы. Вдалеке искрилась река Адиджа, полускрытая черно-зелеными кипарисами.

«Прекрасно, — думал он, — что поэма выйдет в Италии, куда так мечтал приехать Пушкин. Нерина Мартини-Бернарди сделала великолепный итальянский перевод. Жаль, что это издание будет уникальным, выйдет только для библиофилов, любителей книги, всего в ста шестидесяти пяти экземплярах».

Шрифты Пушкин и Данте на левой и правой страницах сочетались отлично... Но что это?

— Джованни! Опечатка! «Евгений вздроднул» вместо «вздрогнул».

— Черт возьми! Марио ошибся! — гневно воскликнул вошедший Мардерштейг.

— Нет, я сам прозевал ошибку в наборе. И это в кульминационном пункте поэмы! — Лазурский в отчаянии снова и снова перечитывал строку, как будто в надежде, что буква изменится.

— К сожалению, перепечатать мы не сможем, слишком дорого, — непреклонно сказал Мардерштейг и раздраженно добавил: — Неприятности всегда следуют друг за другом. Сегодня опечатка, а завтра, как только я проснусь, мне станет семьдесят шесть. Уже семьдесят шесть!

Художники в молчании допили кофе. На хозяина мастерской кофе подействовал благотворно. Раздражение утихло, он успокоился.

— Не надо так трагически относиться к пустякам. В итальянском тексте я тоже прозевал ошибку. Книг без опечаток не бывает. Утешьтесь, и выйдем из дома, побродим.

...Они шли по людным улицам и площадям, где толпились туристы, щелкая фотоаппаратами, и шумно взлетали стаи потревоженных голубей.

— Итальянцы называют Верону самым римским городом Италии после Рима, — рассказывал Мардерштейг. — Вы уже видели наш цирк «Арену»?

— Да, он напоминает Колизей, уменьшенный в размерах. Но гораздо лучше сохранился.

— Жаль, что вы не дождетесь лета. В этом цирке ставят грандиозные спектакли под открытым небом. В амфитеатре времен Катулла играют комедии и трагедии Шекспира.

— А что это за здание разглядывают туристы? — спросил Лазурский.

— О, это, по преданию, дом Капулетти... И тот самый балкон, с которого Джульетта вела свои тайные беседы с Ромео. Взгляните, вот старинный дом, — продолжал Мардерштейг, — где поэт Петрарка увидел вещий сон о смерти Лауры. А здесь бродил Данте...

Лазурский вспомнил любимые строки:

И вот, как тот, кто, голод затая,
Из-за стыда не просит подаяния,
Лицом беспечен я,
А на сердце печаль и воздыханья...

Синьор Джованни восторженно зааплодировал:

— Браво, браво, Вадим Владимирович! — Потом заинтересованно спросил: — А вы заметили, что Данте и Пушкин как бы сближаются в современности? Их все чаще во всем мире называют рядом как величайших поэтов своих стран и своего времени. Находят сходство в их судьбе, убеждениях. Был ли знаком Пушкин с поэзией Данте?

— Данте стал известен у нас в середине восемнадцатого столетия, — ответил Лазурский. — Его творчество благодаря переводам Байрона было близко молодой революционной России и, конечно, Пушкину. В его библиотеке — она хранится в Пушкинском доме — шесть различных изданий Данте

Алигьери. Пушкин несколько раз называет его имя в своих стихах. Вот, например, я помню такие:

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих,
Недочитанный затих —
Дух далече улетает...

— Разве Пушкин мог читать по-итальянски? — удивился синьор Джованни.

— Вероятно, он изучал этот язык постепенно. Кроме того, бывал в Итальянской опере и в Одессе, где тогда было много итальянцев, слышал «язык Италии златой». Научился говорить, потом — читать. Во всяком случае, Данте он читал в подлиннике. В некоторых рукописях на полях Пушкин даже писал заметки по-итальянски.

— Глядите-ка, синьор Лазурский, — внезапно воскликнул Мардерштейг, — наша маленькая фантазерка, вон там, у витрины магазина, рядом с палаццо Скалиггеров!

Русский художник увидел Бертиллу. Она была в своем обычном наряде: черной юбке и тонком дешевом свитере.

— Бедная девочка, — вздохнул Мардерштейг, — пошла за покупками, а торчит здесь, любуясь дорогими нарядами, которые ей недоступны.

...На следующее утро, когда на вилле все еще спали, прибежала Бертилла и постучала в окно:

— Синьор Джованни, почтальон просил передать вам письмо.

— Кто там? — пробормотал художник. — Девчонка сошла с ума. Мало ли мне приходит писем. Брось его там на стол.

— Вставайте, синьор. Такое прелестное утро. По-моему, должно случиться что-то хорошее.

Художник выглянул в окно:

— Клянусь мадонной, я отправлю в монастырь эту маленькую негодницу. Слышишь? И попрошу, чтобы тебя заперли на самый большой ключ и не выпускали даже в воскресенье!

Бертилла немедленно откликнулась на угрозу хозяина:

— Благодарю вас, синьор. Надеюсь, что отдохну там от ваших бумаг и вашего вечного кофе. А платье монахини мне будет к лицу...

Ее просто распирало от любопытства, черные глаза сверкали. Поднявшись на цыпочки и размахивая письмом, она громко прошептала:

— Синьор, адрес написан золотыми иностранными буквами, и конверт такой тяжелый!

Художник, продолжая ворчать, взял конверт, разрезал и быстро пробежал глазами текст. Лицо его посветлело. Он весело подмигнул девочке и тихо сказал:

— Ты добрый вестник, Бертилла. Монастырь откладывается. Пусть будет по-твоему и случится что-то хорошее. Зови Рино, Марио, и все — в мастерскую, быстро!

— А синьор Вадими Владими? — спросила Бертилла.

— Тс-с! Мы сделаем ему сюрприз. — Мардерштейг засмеялся и захлопнул окно.

Вечером за ужином Мардерштейг торжественно сказал:

— Сегодня мне сообщили, что в честь пятисотлетия Гутенберга — изобретателя книгопечатания и первого типографа Европы учреждена премия его имени. Город Майнц, его родина, почтил меня званием первого лауреата. Не буду скромничать: я доволен и горд. К тому же с восходом солнца мне исполнилось семьдесят шесть лет. — Старый художник остановился, поднял палец и, улыбнувшись, добавил: — Не уже семьдесят шесть, а еще только семьдесят шесть! В этот день я намерен дарить, а не получать подарки. «Спеши быть добрым», — говорили мудрецы. Бертилла, что ты стоишь с этим дурацким подносом? Поставь его на стол. И разверни-ка этот пакет...

Восхищенная Бертилла пролепетала:

— Розовое платье! Благодарю вас, синьор!

— Пусть оно будет подарком от Пушкина, — рассмеялся довольный Мардерштейг. — Лючия лопнет от зависти, а?

Лауреат немного пошевелил губами и сказал вдруг четко по-русски своему коллеге:

— «Евгений вздрогнул», синьор Лазурский!

— Что? Не понимаю...

— О какой это ошибке вы говорили мне? Взгляните на свежие листы — там, у меня в кабинете. — Мардерштейг неторопливо разливал в бокалы красное вино. — Только осторожно! Они еще не просохли.

— Вы перепечатали все сто шестьдесят пять листов! — воскликнул Лазурский.

Вскоре в Венеции состоялся вечер «Веронской билингвы». Он был устроен в Ка Фоскари, бывшем дворце патрициев, в котором теперь разместилось отделение славистики Падуанского университета. Бело-синий изящный катер доставил художников, Нерину Мартини-Бернарди и счастливую Бертиллу к главному входу. Палаццо стояло «по колено» в изумрудной воде большого канала. Был отлив, вода спала, обнажив зеленую, скользкую от водорослей стену фундамента, и порог входной двери оказался высоко над каналом. Опустили маленькую шатучую лестницу, сверху протянулись десятки молодых, сильных рук...

В холле дворца собрались студенты и преподаватели-слависты, библиофилы, художники, журналисты. Они шумно восхищались «билингвой», ее изумительными шрифтами, гравюрой Медного всадника на обложке.

Затем началось чтение. Читали текст поэмы, сменяя друг друга, В. В. Лазурский и молодой актер театра Гольдони.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн...—

величественно звучали русские строфы. Им вторила нежная итальянская речь: «Jmmerso in un qrande pensiero sulla riva...»

Бертилла знала наизусть почти всю поэму — сколько раз она перечитывала строки, пока сушила листы! Волнуясь, потихоньку оглядывала зал. Слушали чудесно — внимательно и радостно. В паузах

несли огромные букеты сияющих, сочных цветов. Они закрыли всю сцену...

Итальянцы восприняли поэму как произведение, написанное на их родном языке.

Обратно катер шел мимо главной набережной, собора святого Марка, Дворца дожей...

— О чем вы думаете? — спросила Нерина Бернарди русского художника.

— Я думаю о Пушкине, который мечтал увидеть все это, — ответил он. — В первой главе «Евгения Онегина» есть строки, помните?

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
. . . . . .
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле...

Художник снова умолк, глядя перед собой. Какое буйство красок, какие неожиданные сочетания поражали глаз! Был час заката, и зеленые воды каналов окрасились в фиолетовый цвет, пена за кормой искрилась пурпурно.

...Бертилла бежала по улицам Вероны — маленький розовый цветок в вечернем сумраке. Стихи еще жили в ней, и ликовала душа. Улицы сближались, расходились, чернели углами. И кто-то там

возник мгновенной тенью... Махнул рукой: «Будь счастлива, Бертилла! Помни: я все-таки был здесь, был...»

Смешная Лючия. Удивилась:

— Откуда прекрасное платье?

— Это подарок Пушкина.

— Ну а где же он сам?

— Он не смог приехать, потому что дрался на дуэли.

— Ты все выдумываешь, — сказала Лючия.

— Не так уж много я выдумала, — ответила Бертилла. — Посмотри! Здесь одних оборок не сосчитать на сколько лир...

Рукописи рассказывают

Строка архивного документа может загадать загадку или прояснить ее. Она может вскрыть драматическую судьбу поэта, писателя, книги, даже стихотворения. Давние события оживают и отчетливо встают перед нашими глазами.

В Рукописном отделе хранится несколько миллионов листов авторского текста — рукописное наследие писателей России, создавших отечественную литературу. Это история русской, советской культуры, изученная и еще ожидающая своих исследователей.

Гордость отдела — Пушкинский фонд: автографы поэта, рабочие тетради, дневник, черновики, письма, записки...

Первые лицейские стихотворения начинают эту драгоценную коллекцию:

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной...

(«Воспоминания в Царском Селе». 1814)

Замыкает ее последнее письмо Пушкина...

В день дуэли 27 января Пушкин, по свидетельству современников, был спокоен, даже весел. Он не изменил порядок своих занятий. Утром, как обычно, работал в кабинете: готовил к печати новый том журнала «Современник». На письменном столе лежало письмо, присланное накануне, от переводчицы и детской писательницы А. О. Ишимовой:

«Его высокоблагородию
Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.
У Конюшенного моста, в доме князя
Волконского».

Ишимова сожалела о своей «неисправности». Редактор «Современника» навестил ее, желая получить перевод новых произведений английского писателя Барри Корнуолла. Но она опоздала, «приехав домой десять минут спустя» после его визита.

До дуэли оставалось еще несколько часов. Пушкин взял с полки книгу с крупным заголовком на обложке: «История России в рассказах для детей». Перевернул одну, вторую страницу и зачитался....

В своем письме Ишимова предлагала поэту встретиться с ней в субботу, то есть сегодня, 27 января. Она писала: «Итак, если для Вас все равно в какую сторону направить прогулку Вашу, то сделайте одолжение, зайдите ко мне...».

Пушкин никому не сказал о предстоящем поединке. В 11 часов он спокойно обедал с семьей. Потом вышел из дома ненадолго, чтобы встретиться со своим секундантом К. К. Данзасом. Данзас отправился в оружейный магазин за пистолетами, а Пушкин вернулся к себе. Около 12 часов дня в квартиру на Мойке пришел библиотекарь Ф. Ф. Цветаев. Он говорил с поэтом о новом издании его произведений.

За час перед тем как ехать стреляться, Пушкин написал ответ А. О. Ишимовой. Это было

последнее письмо, перо поэта вывело последний адрес и последние строки:

«Ее высокоблагородию

Александре Осиповне Ишимовой на Фурштадской дом Эльтикова № 53».

Тон спокойный, почерк ясный, летучий и четкий как всегда.

«Милостивая государыня Александра Осиповна, крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест имею честь препроводить к вам Barry Cornwell. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их, как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать! С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть милостивая государыня Вашим покорнейшим слугою.

А. Пушкин.

27 янв. 1837».

В кондитерской Вольфа и Беранже поэта последний раз видели здоровым, невредимым... потом сани повезли его по Невскому проспекту, Дворцовой площади, через Неву и дальше к Черной речке.

Смертельно раненный поэт прожил 46 часов. Его сердце остановилось в 2 часа 45 минут пополудни 29 января.

Через 45 минут после кончины Пушкина в дом на Мойке пришли жандармы с обыском. Они просмотрели и пронумеровали красными чернилами его рукописи, сорвали стальной замок с переплета пушкинского дневника и на внутренней его стороне вывели: «№ 2». Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт все бумаги запечатал своей печатью.

А через несколько дней по всему Петербургу разошлись списки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». Поначалу оно оканчивалось строфой:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

Поэт был сослан на Кавказ. Но черновик стихотворения уцелел и находится в Рукописном отделе. Там, в черновике, у зачеркнутой строфы нарисован профиль немолодого человека с неприятным лицом и тяжелым подозрительным взглядом.

Кто это? Литературовед И. Фейнберг разгадал тайну портрета. Помогли рисунок 1840-х годов, где изображен Дубельт на лестнице Третьего отделения, и воспоминания А. И. Герцена в «Былом и думах»: «Дубельт... наверно, умнее всего Третьего и всех трех Отделений собственной канцелярии... Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т[о] е[сть] выражали тонкую смышленость

хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость». Рисунок Лермонтова на рукописи стихотворения «Смерть поэта» свидетельствует о том, что современники полагали Дубельта в числе истинных убийц Пушкина, рядом с Николаем I, Бенкендорфом и другими стоящими «у трона» палачами «гения и славы».

После смерти Пушкина все его автографы приобрели значение реликвий. Еще во время обыска в квартире на Мойке Жуковский спрятал в свой цилиндр от жандармов письма Пушкина, переданные ему Наталией Николаевной. Современники тщательно хранили рукописи величайшего гения России.

Пушкинский дом получил первый автограф Пушкина в 1911 году. Это было письмо невесте — Н. Н. Гончаровой. С тех пор рукописи продолжали и продолжают поступать. Сегодня в Рукописном отделе 1759 автографов Пушкина (около 12 тысяч страниц) — страницы его жизни и творчества... Таким образом наконец воссоединен личный архив Пушкина и объединены все материалы, относящиеся к его жизни, творчеству и изданию сочинений. Но ученые надеются, что фонд этот будет пополнен.

Помните дневник, помеченный жандармами «№ 2»? Он был возвращен семье поэта и долгое время хранился у Александра Александровича, старшего сына Пушкина. В 1923 году по подлиннику дневник был издан Государственным издательством РСФСР. Местонахождение самого подлинника сейчас неизвестно. Может быть, он на-

ходится у правнуков Пушкина, живущих за границей. Но если был дневник «№ 2», значит, существовало и его начало — дневник «№ 1»?

В 1909 году П. О. Морозов, ученый, впоследствии расшифровавший пушкинский листок со стихами десятой главы «Евгения Онегина», писал, что «тетрадь за № 1, взятая по смерти Пушкина... в III-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии, не была возвращена наследникам поэта, до сих пор не разыскана и, может быть, уже не существует». Но в 1925 году за границей в одном историко-литературном сборнике появилось сообщение о том, что в 1937 году «будет опубликован полностью не изданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц)» и что «он прольет большой свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль». Дневник этот не был издан, и какие-либо новые сведения о нем перестали поступать.

Однако многие советские ученые не сомневались в его существовании. Надежда найти дневники «№ 1» и «№ 2» живет и теперь, как живут вполне реальные надежды обнаружить другие новые автографы Пушкина. Найти можно именно то, что остается неизвестным, потому что было скрыто или потеряно. Ведь нашли же в 1917 году несколько толстых тетрадей — пропавшую рукопись «Истории Петра I»! Ее случайно обнаружили внуки Пушкина, Григорий и Николай Александровичи, в старом ящике на чердаке своего дома в имении Лопасня.

Позже в Ленинграде нашли целую пачку писем Пушкина к дочери М. И. Кутузова — Е. М. Хитрово.

Пройдут годы. И может быть, и дневники, и новые документы удастся разыскать кому-то из вас...

Рукописное литературное наследие Пушкинского дома огромно. Благодаря ему возможно исследование многих явлений в истории русской литературы и общественного движения. По подлинникам рукописей научные сотрудники готовят к изданию академические собрания сочинений писателей. Переписка, воспоминания, документы позволяют расширить наше представление об их жизни и творчестве.

Рукописный отдел — богатейшее хранилище и декабристских материалов: литературных произведений, мемуаров, писем членов тайных обществ. Они повествуют о восстании 1825 года, о причинах его поражения, о следствии и суде над декабристами, об их жизни на каторге и в ссылке. Многие декабристы были друзьями Пушкина: Вильгельм Кюхельбекер, Кондратий Рылеев, Александр Бестужев, Иван Пущин — автор «Записок о Пушкине», единственного наиболее полного рассказа о его юношеских годах. «Записки» — большая аккуратная тетрадь в темно-зеленом переплете. Пущин заканчивал мемуары, будучи уже смертельно больным, — сказалась 30-летняя каторга и ссылка. Он по нескольку месяцев был прикован к постели. Наверно, и писать ему было нелегко. Но строки ровны, красивы.

И я не могу избавиться от сладостного и благодарного ощущения — мне кажется, что от страниц рукописи исходит тепло живой души лицейского Жанно, которого Пушкин называл: «Мой первый друг, мой друг бесценный!»

С именами К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева связана одна малоизвестная драматическая история, о которой я расскажу в главе «Дуэль». История эта отразилась в декабристской поэзии. Среди автографов Рылеева в Рукописном отделе имеется стихотворение «На смерть Чернова». Однако эти стихи мы найдем под фамилией В. К. Кюхельбекера в полном собрании его сочинений. Кто был настоящим автором? В связи с какими событиями за три месяца до восстания 14 декабря сочинены строки, по содержанию и взволнованности напоминающие лермонтовское «Смерть поэта»: «Клянемся честью и Черновым: / Вражда и брань временщикам, / Царей трепещущих рабам...»?

Другая история — «Дело коллежского асессора» — относится к судьбе А. С. Грибоедова. Главные организаторы и руководители восстания называли его членом тайного общества. Офицеры-декабристы переписывали комедию «Горе от ума», чтобы использовать ее в целях революционной пропаганды. Император Николай I приказал арестовать Грибоедова. Но через четыре месяца он был освобожден. Ученых давно привлекала эта загадка в биографии автора бессмертной комедии. Каким образом ему удалось избежать участи осужденных по делу 14 декабря?

...В 1905 году в редакцию одной из петербургских газет пришло взволнованное письмо. Автор сообщал, что в Иркутске найдено «Дело Александра Грибоедова», которое было заведено Верховным уголовным судом во время следствия над декабристами. Сенсационное известие! Но почему дело оказалось в Иркутске? Пока в редакции обсуждали этот вопрос, пришло еще несколько писем — из Таганрога, Киева, Одессы. И опять — найдено подлинное дело Грибоедова! Недоумение скоро разрешилось. Известный историк П. Е. Щеголев в свою книгу «Грибоедов и декабристы», изданную в Петербурге в 1905 году, вставил факсимиле (точное воспроизведение) следственного дела Грибоедова. Желтая плотная бумага, синеватая печать с двуглавым орлом в круге, выцветшие от времени чернила — все было столь натуральным, что какие-то мошенники, изъяв факсимиле из книги, пытались продать его коллекционерам как подлинную рукопись XIX века.

Во введении к книге П. Е. Щеголев объяснил причину необычного издания так: «Фотографическое воспроизведение дела кажется нам единственным способом сохранить тот колорит эпохи, который лежит на страницах подлинного дела и который исчезает в печатном воспроизведении. Кроме того... мы впервые даем снимки с почерка лиц, автографы которых до сих пор не были известны».

Дело Грибоедова и стало основой научного исследования одного из сотрудников Пушкинского дома.

По приговору царского суда пятеро декабристов были повешены на кронверке Петропавловской крепости, — об этом повествует глава «В то утро солнце не взошло...».

Пушкина потрясла смерть К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского. Возвратившись из Михайловского, он узнал, вероятно от своего друга П. А. Вяземского, «лютые подробности казни». Знали о них и многие другие. Сегодня можно почти полностью, документально восстановить трагические часы утра 13 июля, когда погибли верные сыны России. Какие же документы, свидетельства позволили это сделать? Ведь казнь была тайной, о дне ее известили лишь некоторых официальных лиц...

Ответ и на этот вопрос найден в Рукописном отделе.

Мы уже знаем, что в коллекции А. Ф. Онегина были собраны письма, документы о дуэли и смерти Пушкина. Их авторы — друзья поэта, не покидавшие его до печальной кончины. Но своими «друзьями» Пушкин называл и книги, к ним были обращены последние слова умирающего. Ныне библиотека поэта входит в состав Рукописного отдела.

Почему? Потому что на многих страницах пометы, рисунки, записи... Январские дни 1837 года и судьба пушкинской библиотеки — тема главы «Прощайте, друзья...».

ДУЭЛЬ

У проспекта Энгельса, в парке Лесотехнической академии, стоят два дома, соединенных старинной оградой. Узор ее странен, необычен и чем-то печален: ветки лавра, переплетающие чугунную решетку, чередуются с крупными черными цветками. Дальше за домами, на опушке, два круглых гранитных камня... Значит, место поединка здесь.

Мать одного из дуэлянтов в память о сыне возвела церковь и построила богадельню. Памятником другому стало невиданное событие, всколыхнувшее весь Петербург.

В провинциальном городке, где находился штаб 1-й армии, служба тянулась скучно и однообразно. По вечерам офицеры собирались в гостеприимном доме генерал-аудитора Чернова. Небогатое семейство славилось радушием и патриархальной простотой. Но более всего молодых людей привлекало общество прелестной дочери генерала. Девушка была «необыкновенной», «дивной» красоты, «замечательно хороша собой» — так единодушно вспоминали современники.

Флигель-адъютант из Петербурга появился внезапно. Владимир Новосильцов прекрасно вальсировал, играл на кларнете, сочинял стихи. Он поразил далекую от высшего света девушку столичными манерами. Образование, полученное им в Иезуитском пансионе — лучшем учебном заведении Петербурга, — парализовало всех соперников. Красавец гусар (он еще и гусар!) был из тех баловней судьбы, о которых Пушкин писал: «Питомец мод, большого света друг». Юная мечтательница увидела в нем избранника и, как пушкинская Татьяна, не скрывала своих чувств.

Новосильцов просил руки девушки и получил согласие ее родителей. Уже состоялось обручение, назначили день свадьбы.

«...Новосильцов обращался с девицей Черновой, как с нареченной невестой, ездил с ней один в кабриолете по ближайшим окрестностям, и в обращении с нею находился в той степени сближения, которая допускается только жениху с невестой. В порыве первых дней любви и очарования он забыл, что у него есть мать, графиня Орлова, без согласия коей

он не мог и думать о женитьбе», — писал в своих воспоминаниях декабрист Евгений Оболенский.

Осталось испросить разрешение матери, обожавшей своего единственного сына. Но Чернова происходила из незнатной дворянской семьи, а Владимир Новосильцов, богатый наследник, потомок графов Орловых, принадлежал к кругу высшей аристократии. Как и можно было ожидать, на просьбу сына графиня Орлова ответила строгим приказанием: немедленно прекратить все отношения с невестой и ее семейством. Новосильцов выполнил волю матери: не навещал более Черновых и вскоре уехал в Петербург. Такая ситуация считалась для девушки бесчестьем...

Но на ее защиту встал брат — Константин Чернов, подпоручик Семеновского полка, член тайного Северного общества. Он потребовал объяснений. Однако жених, под сильным давлением матери, лукавил: обещал сдержать данное слово и по разным причинам все оттягивал свадьбу. Графиня Орлова между тем использовала все свои связи, родство, чтобы спасти сына от неравного брака. И добилась своего. Командующий армией граф Сакен, чьим адъютантом был Новосильцов, под угрозой «больших неприятностей» заставил родителей Черновых «добровольно» отказать жениху. Узнав, что отец слег от горя и унижений, Константин поклялся отомстить за поруганную честь семьи. Он вызвал Новосильцова на дуэль.

Мать Черновых — родная сестра матери Кондратия Рылеева, — вместе с дочерью приехав в Петербург, часто бывала на квартире племянника в

доме Российско-Американской компании. И все перипетии трагической любви разворачивались на глазах Кондратия Федоровича и его друзей — декабристов Александра Бестужева, Евгения Оболенского, Вильгельма Кюхельбекера. Рылеев согласился стать секундантом Константина Чернова.

Накануне поединка Чернов в кабинете Рылеева писал свое последнее письмо... Мемуары и рассказы современников, показания декабристов, сделанные после разгрома восстания, позволяют нам с определенной долей достоверности представить и тот поздний вечер 9 сентября, и последующие события.

Во время ноябрьского наводнения 1824 года квартира правителя канцелярии компании сильно пострадала. Хорошая мебель стояла только в двух комнатах из восьми. Окна рылеевского кабинета выходили во внутренний двор — это было удобно из конспиративных соображений. На импровизированном столе, составленном из трех длинных досок, обтянутых холстом, — книги и рукописи. Издатели «Полярной звезды», Рылеев и Александр Бестужев, торопились выпустить очередную книжку альманаха. Они назовут ее «Звездочкой».

Северное общество договорилось с Южным о совместных действиях. Восстание начнется в мае 1826 года, во время летнего смотра гвардии. Сигнал к выступлению — «истребление» Александра I.

Принятый в общество Каховский недоверчиво спросил Рылеева: «Когда еще вы начнете действовать?»

И Рылеев поклялся, взглянув на образ: «Непременно в тысяча восемьсот двадцать шестом году».

Следовало подготовить солдат, заручиться поддержкой офицеров, воспитать благоприятное общественное мнение среди «просвещенных дворянских кругов» и свободных сословий России. Квартира у Синего моста превратилась в штаб мятежных заговорщиков. Короток срок подготовки, и многое нужно успеть... Но декабристы не знали, что действительный срок восстания, определенный обстоятельствами, еще короче, он почти ничтожен. До восстания в Петербурге на самом деле оставалось три месяца с небольшим. Александр I только что выехал в Крым. Царь не вернется в Петербург, скончавшись в Таганроге. Время междуцарствия приближалось...

Условия поединка были очень жестоки — стреляли в упор на кратчайшем расстоянии.

Условились:

«1. Стреляться на барьер, дистанция восемь шагов с расходом до пяти.

2. Дуэль кончается первою раною при четном выстреле; в противном случае, если раненый сохранил заряд, то имеет право стрелять, хотя лежащий.

3. Вспышка не в счет, равно осечка; секунданты обязаны в таком случае оправить кремень и подсыпать пороху.

4. Тот, кто сохранил последний выстрел, имеет право подойти сам и подозвать своего противника к назначенному барьеру...»

В вечер накануне дуэли думают только о ней. Чем-то кончится? Скрипит перо в руке Константи-

на Чернова. В любимой позе, положив ноги на стул, молча сидит Александр Бестужев. Ощущение рокового исхода словно висит в воздухе. Рылеев, наклонив голову, прохаживается вдоль стола с рукописью «Евгения Онегина». И там, на листках, начало драмы!

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.

— Но каково вероломство, господа! — Константин Чернов обернулся к друзьям. На юном лице его было выражение почти детской обиды. — Графиня приняла меня в Москве как родственника. Утвердительно сказала, что дает согласие на брак. Только заметила, что отчество невесты ей не нравится — Пахомовна! Дескать, в нем что-то солдатское, крестьянское... Я с трудом выдержал это ради сестры, — признался он.

— Чем гордится эта Орлова? — гневно спросил Рылеев, и темные глаза его заблестели. — Тем, что она племянница временщика, возведшего на русский престол немку Екатерину Вторую? Свой графский титул фаворит получил от императрицы-самозванки, вдобавок за весьма сомнительные услуги!

Звякнули шпоры. Бестужев встал. Тень от рослой его фигуры заняла всю стену. Притушив сигару, пренебрежительно сказал:

— Новосильцов не гусар, а мокрая курица. До сих пор держится за маменькину юбку! — Он

вздернул подбородок, сощурил глаза и, неуловимо преобразившись, чрезвычайно похоже представил надменное лицо молодого вельможи.

— Что будет, то будет. — Чернов бросил перо. — Вот что я написал: «Бог волен в жизни, но дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности обещает мне смерть. Прошу господ секундантов моих объявить всем родным и людям благомыслящим, которых мнением дорожил я... Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное... Оскорбитель моего семейства для пустых толков пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества...»

— Нет, не семейственное! — воскликнул Александр Бестужев. — Тут надо сильнее.

Он схватил перо и, разбрызгивая чернила, дописал конец:

«...Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души!»

Письмо само по себе достойно пристального внимания. Это не просто прощальная записка дуэлянта. Обращение к «людям благомыслящим» очень знаменательно. Кто они, эти мыслящие о благе? Не может быть сомнений: К. П. Чернов обращается к членам тайного общества и единомышленникам. Их мнением он дорожит. И понятие «благо» у него и у них едино: это счастье, благоденствие отечества, освобожденного от деспотизма монарха и самоуправства знати.

Вступив в тайное общество, Чернов дал клятву

идти до конца в борьбе против тирании, за конституционный строй и отмену рабства в России. Однако обстоятельства таковы, что он вынужден покинуть товарищей. Его гибель — невольное нарушение клятвы верности делу. Но Общество должно знать и простить: подпоручик Семеновского полка не из тех, кто ищет любого повода для дуэльной драки. Поединок Чернова — дело чести, «все законы» которой «преступили» противник и его аристократическая родня. В назидание, «в пример» другим «гордецам» он поднимает пистолет.

Дуэль состоялась 10 сентября 1825 года. Место выбрали отдаленное, тихое, на Выборгской стороне. (В 1811 году сюда было переведено Царскосельское лесное училище. Оно расположилось в постройках бывшей «англинской» фермы и называлось вначале Форст-институтом, потом, с 1814 года, Лесным институтом, или корпусом. С тех пор пошли названия: Лесное, Институтский проспект, Институтский переулок...)

Было раннее утро, солнце едва начинало всходить. Редкие крестьянские подводы тянулись в город. Навстречу им через пограничный мост по Ланскому шоссе — северной границе столицы — промчались группы офицеров верхами, несколько колясок и наемных извозчичьих карет.

На открытой возвышенной площадке кроме участников поединка оказалось довольно много свидетелей. Агап Иванович, посыльный «Полярной звезды», которого Рылеев взял с собой, поначалу думал, что «отправляются для гулянья». Он вспоминал (его рассказы были записаны историком М. И. Се-

мевским): «При развязке дела собралось общество человек до пятидесяти».

Дуэли обычно происходили тайно и без посторонних. Кто же и зачем нарушил правила? По-видимому, это были офицеры-семеновцы и члены тайного общества, желавшие своим присутствием выразить участие Чернову.

Секунданты утаптывали площадку и размеряли ее шагами. Сабли, обозначавшие барьер, уже вонзились в землю...

Чернов стоял у дерева, сложив руки на груди. Юное лицо его пыталось выразить бесстрастное равнодушие к происходящему. Рылеев, нахмурившись, что-то говорил ему. У другого дерева красавец Новосильцов, высокий, стройный, в щегольском мундире, сосредоточенно внимал советам своего секунданта ротмистра Реада.

Наконец, следуя дуэльным законам, секунданты предложили кончить дело примирением. Оба отказались.

Рылеев подал знак, и 20-летние противники пошли навстречу друг другу. Вдали белел Петербург с куполами церквей, маковки их свежо блестели на бледном утреннем небе. За дачными домиками Лесного тянулись леса, сливаясь с горизонтом. Солнце вставало, обещая теплый день...

Оба выстрелили одновременно. Чернов упал, кровь залила ему лицо. Бледный Новосильцов откинул пистолет и закричал, бросаясь вперед:

— Помогите ему! Неужели я нанес тяжелую рану? — Потом зашатался и растерянно произнес: — Я ранен, и, кажется, не легко...

Секунданты едва успели подхватить его.

Чернова отвезли в скромную квартиру Семеновского полка. Приходя в себя, мучаясь от страшной боли, он беспокойно спрашивал:

— Жив ли Владимир? Я не желаю ему смерти и мучений.

Доктор Н. Ф. Арендт, вызванный к обоим, осмотрев раненых, не дал надежды на выздоровление ни того, ни другого.

Описание дуэли было составлено неким Н. П. Пражевским для матери Новосильцова и позже случайно обнаружилось в бумагах архимандрита, настоятеля Ростовского монастыря.

Декабрист Е. П. Оболенский вспоминал в мемуарах, что «близкая смерть положила конец вражде противников. Каждый из них горячо заботился о состоянии другого». Прощаться с К. П. Черновым, «выразить ему сочувствие к поступку благородному» приходили и члены общества, и многие другие. Рылеев не покидал умирающего брата. А. И. Якубович, кавказский герой, прославившийся необыкновенной храбростью в стычках с горцами, у постели Чернова произнес прочувствованно-патетическую речь. В небольшой передней новоприбывшие с волнением спрашивали: «Что, как? Есть ли надежда?»

Свое прощание с Черновым описал находившийся при нем до последней минуты Е. П. Оболенский: «Я вошел и, признаюсь, совершенно потерялся от сильного чувства, возбужденного видом юноши, так рано обреченного на смерть; кажется, я взял его руку и спросил: как он себя чувствует? На вопрос

ответа не было. «Много лестных слов, не заслуженных мною...» — сказал мне умирающий. В избытке сердечного чувства, молча пожал я ему руку, сказал ему то, что сердцем выговорилось в этот торжественный час, хотел его обнять, но не смел коснуться его, чтобы не растревожить рану, и ушел в грустном раздумье».

Оба участника дуэли скончались почти одновременно. Графиня Орлова привезла тело сына в Москву, в родовой фамильный склеп. В Петербурге катафалк Новосильцова провожал «похоронный поезд» из нескольких десятков пышных карет с гербами и лакеями в ливреях. За приспущенными занавесками ехала вся петербургская аристократия...

А члены тайного общества решили пойти пешком за гробом своего товарища, превратить похороны в политическую демонстрацию. То, что произошло на кладбище, — результат продуманной, широко развернутой кампании. Организаторы ее — К. Рылеев, А. Бестужев, В. Кюхельбекер и Е. П. Оболенский, по его собственным словам, в эти дни «ежедневно» встречавшийся с Кондратием Федоровичем, — разослали многочисленные приглашения на похороны «лицам с определенной общественной репутацией». В их число, конечно, вошли, прежде всего, те, кто были известны прогрессивными убеждениями или оппозиционным отношением к правительству.

Декабристы, в основном небогатые и незнатные дворяне, остро ощущали понятие чести как признание ценности и общественной значимости личности. Истинная, а не показная дворянская честь

была одним из условий вступления и в тайное общество.

«Союз благоденствия» (одна из ранних декабристских организаций. — *Л. Д.*) «приглашал... всех, кои честною своею жизнью удостоились в обществе доброго имени» — так было записано в его Уставе.

Слухи о дуэли, ее причинах и печальном конце вызвали необыкновенное возбуждение в Петербурге. Имя скромного подпоручика было у всех на устах. «Эта дуэль — человека среднего класса общества с аристократом и флигель-адъютантом — явление знаменательное, свидетельствующее, что и в среднем классе есть люди, высоко дорожащие честью, своим добрым именем», — всюду говорил Рылеев.

27 сентября от казарм Семеновского полка к Смоленскому кладбищу двинулась огромная похоронная процессия. Длинная вереница растянулась по улицам. «Страшная толпа», «что-то грандиозное», «небывалое», «великолепные похороны», — говорили назавтра о проводах Чернова. Через Фонтанку по Гороховой, Адмиралтейскому бульвару, мимо Сената и Синода, по Исаакиевскому мосту на Васильевский остров к Голодаю, прорезав насквозь весь город, безмолвно шли тысячи людей. (Какой символический путь был проделан погибшим Черновым и его товарищами!) Необыкновенное зрелище поражало всех. Прохожие, всадники, коляски, кареты останавливались надолго. Застывали в недоумении жандармы. Шли офицеры Семеновского полка, штатские во фраках и сюртуках, друзья, знакомые Чернова и люди никогда не видевшие его. Е. П. Оболенский точно определил

значение события: «Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут, безмолвно сочувствуя тому, кто собою выразил общую идею, сознаваемую каждым — идею о защите слабого против сильного, скромного против гордого».

Рядом с Рылеевым и Оболенским в траурной толпе шли братья Бестужевы, Кюхельбекер, Якубович, Каховский, Батеньков, Штейнгель и другие — те, кто в скором времени примут участие в организации восстания.

После прощания семеновских офицеров с их однополчанином, с трудом пробравшись сквозь плотно сомкнутую толпу, у свежей могилы встал Вильгельм Кюхельбекер. Глядя на людей и не видя их, начал громко читать стихи. Голос его дрожал от негодования:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущих рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!
Нет, не отечества сыны
Питомцы пришлецов презренных!
Мы чужды их семей надменных, —
Они от нас отчуждены...
Там говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь;
Я ненавижу их, клянусь,
Клянусь и честью и Черновым!
На наших дев, на наших жен
Дерзнет ли вновь любимец счастья
Взор бросить, полный сладострастья, —
Падет, Перуном поражен.

Под «временщиками» автор подразумевал не только прежних царских фаворитов, но и нынешнего «змия» Аракчеева, которого Рылеев называл «неистовым тираном». «Презренные пришлецы» — это Сакены, Дибичи, Бенкендорфы, Нессельроде... Засилье иностранцев вызывало протест передовой части русского общества и, конечно, декабристов. «Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное», — писал М. С. Лунин. «Пришлец» и главный тиран — император Александр I, сын Павла I и принцессы Вюртембергской, внук герцога Гольдштейн-Готторпского и принцессы Ангальдт-Цербстской.

А. С. Пушкин любил напевать сатирическую песню, сочиненную Рылеевым и А. Бестужевым: «Царь наш немец русский...»

Стихи «На смерть Чернова» представляли погибшего как «священный образец» чести, как верного сына отечества. И открыто объявляли, что уже существует патриотическая сила, способная противостоять тиранам, она объединена и готова действовать: «Мы клянемся», «мы чужды их». Чтобы представить силу впечатления от слов: «Вражда и брань временщикам... тиранам...», надо вспомнить, что древнерусское слово «брань» означает «б и т в а», «б о й». Собравшиеся поняли открытый призыв: «Бой — тиранам!».

Оглядывая возбужденные лица людей, Штейнгель сказал:

— Поразительно. Это какой-то новый, доселе небывалый дух общей идейности.

— Напрасно полагали, что у нас нет общего мнения. Вот оно! — воскликнул Александр Бестужев и добавил взволнованно: — А ведь это наш брат, «бедный Лазарь» умер...

— Что вы хотите этим сказать? — устремив задумчивый взгляд на Бестужева, спросил Батеньков.

Бестужев, несколько смешавшись, неопределенно объяснил:

— Я хотел сказать, что в простоте евангельской легенды все трогательно и выразительно... Впрочем, Рылеев объяснит, он давно желает поговорить с вами на серьезную тему. Мы хотим одного и того же...

По дороге с кладбища Батеньков спросил:

— Кондратий Федорович живет в доме Российско-Американской компании? На каком этаже?

— Внизу, до времени! — со значением ответил Бестужев.

(Этот диалог почти слово в слово повторяется в показаниях Батенькова и Штейнгеля Верховному уголовному суду, который особенно интересовался организацией похорон Чернова, как попыткой декабристов вести агитацию против правительства.)

Батеньков вскоре будет принадлежать к обществу. В ноябре, принятый Рылеевым, в него вступит и еще один «верный сын отечества» — Вильгельм Кюхельбекер.

Высокая поэзия подняла трогательную романтическую историю на уровень политического обобщения, революционной символики. Грандиозность случившегося настолько захлестнула самый повод

дуэли, что даже имя обманутой девушки было забыто. Оно редко встречается в мемуарах и исследованиях. Ее называют Марией, Аграфеной и даже Акулиной. Друг Грибоедова драматург А. А. Жандр, участник знаменитых похорон, вспоминая былое, писал, будто «графиня Орлова не согласилась на брак сына еще и потому, что у Черновой имя было нехорошо — Нимфодора, Акулина или что-то вроде того».

А имя было как раз хорошо — ее звали Екатериной. Так она названа в письме А. Бестужева к сестрам. Он писал: «...если Оля помнит Катерину Чернову в пансионе, то скажите ей, что она выходит очень романтически замуж за флигель-адъютанта Новосильцова, у которого семь тысяч душ».

Да что девушка! Не сохранилось убедительного свидетельства о том, кто был автор строк, произнесенных над могилой: Рылеев или Кюхельбекер. Стихотворение «На смерть Чернова» впервые было опубликовано А. И. Герценом в «Полярной звезде» с подписью В. К. Кюхельбекера. Но в архиве Ф. Булгарина обнаружился листок с этими же стихами, писанный рукой Рылеева... И теперь одни ученые доказывают авторство первого, другие — столь же обстоятельно — второго.

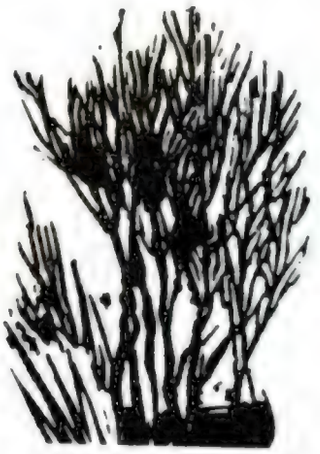
А может быть, оно было совместным произведением обоих поэтов, созданным на подъеме духа, вдруг, среди разговора о дуэли и о только что погибшем члене тайного общества?

Впрочем, авторство, видно, мало волновало современников. Когда гремит набат, не думают о мастере, отлившем колокол.

Стихи восприняли как манифест, как программу прогрессивных людей России, поднявшихся против самовластия.

Похороны Чернова были первой политической манифестацией в России. Ее успех возбудил надежды на поддержку в будущей борьбе. Тайное общество декабристов энергично готовится к открытому вооруженному выступлению против самодержавия.

...На месте поединка в 1838 году по проекту архитектора И. Шарлеманя была возведена церковь святого Владимира — весь этот участок в Лесном за миллион рублей купила мать Новосильцова. В 1841 году рядом с церковью построили богадельню для увечных воинов. Церковь снесли в 1932 году, здания богадельни в перестроенном виде сохранились до наших дней. В парке сохранились и два круглых гранитных камня, установленных, по преданию, на том месте, где стояли противники. Расстояние между ними — шестнадцать шагов...



ДЕЛО КОЛЛЕЖСКОГО АСЕССОРА

Оставался час до полуночи. В большой зале Эрмитажа сидели двое: за письменным столом, спиной к огромному портрету императора, — генерал Левашов, напротив, лицом к портрету, — арестованный, проделавший долгий путь.

Генерал перелистывал бумаги, нарисованный царь пристально разглядывал человека в дорожном платье. Левашов поднял голову и тихо, неслужебно спросил:

— Ваше имя и звание?

Арестованный снял очки — император сразу отодвинулся, размазался по стене цветным пятном, — аккуратно протер стекла и ответил:

— Грибоедов, коллежский асессор, служащий секретарем по дипломатической части при главноуправляющем в Грузии.

Генерал, пристально наблюдая Грибоедова, так же тихо задал новый вопрос:

— Состояли ли вы в тайном обществе, членами которого являлись Рылеев, Трубецкой и Оболенский?

Император со стены глядел неотрывно...

— Я к тайному обществу не принадлежал, — медленно сказал Грибоедов. — В тысяча восемьсот двадцать пятом году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Оболенским... В разговорах я часто видел смелые суждения насчет правительства, в коих я сам брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего.

После допроса 11 февраля 1826 года Грибоедова из Зимнего дворца препроводили в Главный штаб и сдали под расписку дежурному генералу. Оттуда он написал письмо царю. Смелое письмо. Без раскаяния и подобострастия.

«Всемилостивейший государь! По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого... через три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных... Дни проходят, а я заперт. Государь! Благоволите даровать мне свободу...»

Письмо было передано по инстанции начальнику штаба армии Дибичу и к императору не попало. В углу листка Дибич раздраженно написал: «Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен».

Вот что отвечали декабристы на вопросы Следственного комитета о Грибоедове.

Полковник Трубецкой: «Слышал от Рылеева, что он принял Грибоедова в члены тайного общества...».

Поручик Оболенский: «Грибоедов был принят в члены общества месяца два или три перед четырнадцатым декабря...».

Полковник Артамон Муравьев: «В Киеве у Бестужева-Рюмина я познакомил Грибоедова с Сергеем Муравьевым-Апостолом, Муравьев приехал к ним в полдень и уехал на другое утро...».

Итак, главные участники заговора в Петербурге считали Грибоедова членом общества. А с руководителем Южного тайного общества он встречался в Киеве... Уже этого, казалось, было достаточно, чтобы Грибоедов разделил судьбу осужденных. Но... через несколько месяцев коллежский асессор Грибоедов был освобожден.

Ученых давно привлекала эта загадка в биографии автора бессмертной комедии. В 1825 году офицеры-декабристы переписывали комедию «Горе от ума», чтобы использовать ее в целях революционной пропаганды. Один из членов общества писал, что «пламенные тирады Чацкого зажигали яростью». Позже Герцен прямо скажет о Чацком: «Это декабрист».

Рылеев, Александр Бестужев и особенно Одоевский и Кюхельбекер были ближайшими друзьями Грибоедова. Каким образом ему удалось освободиться из когтей Следственного комитета?

Один из ученых Пушкинского дома — кандидат филологических наук С. А. Фомичев предложил решение этой загадки. Изучая документы, анализируя сопутствующие факты, ученый заметил, что в деле подозреваемого Грибоедова был особый, несложившийся сюжет, — говоря языком юридическим, «версия, оставшаяся недоказанной». К счастью для Грибоедова. Но не только для него.

...После разгрома «мятежников» Николай I, однако, чувствовал себя неспокойно. Особенно его тревожило настроение войск в Грузии, в Кавказском корпусе. Присяга новому императору прошла с запозданием на два дня. Не таится ли там революционное гнездо? И вдруг, как бы в подтверждение страшной для Николая мысли, по городу распространился ошеломляющий слух: Кавказский корпус Ермолова будто бы двинулся к столице на помощь бунтовщикам и скоро будет в Петербурге!

Император отдавал лихорадочные распоряжения по Петербургскому гарнизону... Слух оказался ложным. Однако царь был уверен, что Ермолов связан с петербургскими заговорщиками. Но тронуть «проконсула Кавказа» боялся, потому что знал, как любят войска этого «смутьяна».

И тут в одном из показаний на Следственной комиссии появляется имя — Грибоедов. Чиновник по дипломатической части при Кавказском корпусе генерала Ермолова — член тайного общества!

У царя рождается уверенность, что именно он, Грибоедов, служил «эмиссаром», то есть связным, между революционными обществами Кавказа, Петербурга и Украины. В конце декабря 1825 года император послал к персидскому шаху миссию во главе с князем Меншиковым и, помимо прочих, дал послу особое задание: узнать о «духе войска», собрать сведения о Ермолове и — особо — о Грибоедове: кто таков, какого поведения, что о нем говорят.

А 22 января с приказом об аресте Грибоедова на Кавказ явился фельдъегерь. В этот вечер генерал Ермолов, его адъютант Талызин и Грибоедов были в гостях у коменданта крепости. Ермолов раскладывал пасьянс, Грибоедов тихо наигрывал на фортепьяно. Говорили о последних событиях в столице, о 14 декабря...

Внезапно доложили о приезде фельдъегеря из Петербурга. Он вручил генералу срочный пакет от военного министра. Суть письма была ясна из первых строк. Но генерал не свертывал бумагу, медлил, как бы предлагая адъютанту познакомиться с ее содержанием. Талызин, стоявший за спиной Ермолова, быстро прочел: «По воле государя императора покорнейше прошу Ваше превосходительство взять под арест служащего при Вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к его императорскому величеству».

Ермолов свернул бумагу, приказал подавать ужин. Тихо отдал какое-то распоряжение Талызину. Тот вышел из комнаты, поманив за собой Грибоедова. Ужин был долгим, фельдъегеря намеренно задерживали, расспрашивали о столичных происшествиях.

Через час Грибоедов был арестован. Но за это время он успел уничтожить опасные листки. Когда вскрыли его чемодан, бумаг там оказалось немного... И потянулась долгая, длинная дорога.

Маленький плешивый фельдъегерь со странной фамилией Уклонский сначала держался настороженно. Потом оттаял, поняв, как почетно быть собеседником известного писателя, сочинителя нашумевшей комедии, разошедшейся в списках. А беседу тонко направлял сам Грибоедов. Он без труда узнал из столичных сплетен о судьбе и поведении на допросах заключенных декабристов. Узнал, что Рылеев болен, мучается раскаянием за судьбы товарищей. Он назвал многих, но всю вину пытается взять на себя. Александр Одоевский отпирается и путает следствие. Поведение фельдъегеря совершенно не соответствовало его фамилии. Он не уклонялся от вопросов, а, напротив, выкладывал все, даже заважничал, что знает так много. Грибоедов, усмехаясь, переменил его фамилию и звал фельдъегеря «доном Лыско Плешивос ди Париченца» или «испанским грандом».

На почтовой станции за несколько суток до Москвы меняли лошадей. В комнате смотрителя Грибоедов увидел газету — «Санкт-Петербургские ведомости» от 27 января. Бросилось в глаза прави-

тельственное сообщение из Варшавы: «Вчерашнего числа пополудни в час Волынского полка унтер-офицер Никита Григорьев... встретил человека, одетого в тулупе, крытом китайкою, подпоясанного кушаком и в русской шапке... Унтер-офицер, вглядываясь в него и помня приметы Кюхельбекера, предложил ему проводить его, но человек в тулупе, благодаря его несколько раз за труды, просил учтивым голосом не беспокоиться... Унтер-офицер, из сего еще более удостоверясь, что он должен быть сумнительный человек, повел его на гауптвахту...».

Бедный Вильгельм, арестован и уже в казематах Петропавловской крепости!

Оставшуюся часть пути Грибоедов молчал. Притих и фельдъегерь. В Москве Грибоедов увиделся с другом, Степаном Бегичевым. «Испанского гранда» спровадили к родственникам. Друзья наедине обсудили возможные причины ареста. Наиболее опасным могло быть показание Рылеева: однажды разговор с ним перешел от отвлеченных политических рассуждений на прямое предложение вступить в тайное общество. И Грибоедов не сказал тогда «нет».

В Петербург въехали 11 февраля. Грибоедов был допрошен и отведен на гауптвахту Главного штаба. Впечатление от гауптвахты было неожиданным. В большой комнате у стола за самоваром сидела смешанная компания арестованных. Они шумно приветствовали нового узника. Среди товарищей оказался и приятель Грибоедова морской лейтенант Завалишин. Он спросил:

— А вас-то за что, Александр Сергеевич?

Грибоедов ответил экспромтом:

— По духу времени и вкусу он ненавидел слово «раб».

От полковника Любимова, «опытного арестанта», как он, смеясь, представился, Грибоедов получил мудрый совет:

— Ни в коем разе не признавайтесь в своих суждениях насчет правительства. Вывернут так иезуитски, что запутаете и себя и других. Держитесь обычного русского ответа: «Знать ничего не знаю и ведать не ведаю!»

14 февраля о Грибоедове были опрошены члены Северного общества.

Корнет князь Одоевский отвечал: «Я коротко знаю господина Грибоедова и имею донести совершенно положительно, что он ни к какому не принадлежит обществу...»

Поручик Рылеев: «Я делал ему намеки о существовании общества, имеющего целью переменить образ правления в России, но он неохотно входил в суждения о сем предмете, и я оставил его».

Полковник князь Трубецкой: «Разговаривая с Рылеевым о предположении, не существует ли какое общество в Грузии, я также сообщил ему предположение, не принадлежит ли к оному Грибоедов. Рылеев ответил мне на это, что нет, и сколько помню, то прибавил сии слова: «он наш».

Штабс-капитан Александр Бестужев: «В члены его не принимал я, во-первых, потому, что он меня старее и умнее. А во-вторых, потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен».

19 февраля были допрошены члены Южного общества. С. И. Муравьев-Апостол подтвердил прежнее показание: «Грибоедов не был принят в члены общества нашего».

Члены Следственного комитета тонко продумали тактику допросов, задавали свои вопросы как бы утвердительно: «Когда и кем был принят Грибоедов», а не иначе: «Был ли он членом общества», пытаясь запутать и запугать декабристов: дескать, нам все известно.

Но полковник Пестель ответил: с Грибоедовым не знаком.

Генерал-майор Волконский: знаком мало.

Штаб-ротмистр Барятинский: только слыхал о нем.

Полковник Давыдов: видел Грибоедова всего один раз.

И только юный поручик Бестужев-Рюмин один ответил на вопрос о связи с Ермоловым: «Не зная ни истинного образа мыслей, ни характера Грибоедова, опасно было его принять в наше общество, дабы в нем он не сделал бы партии для Ермолова, в котором общество наше доверенности не имело».

Итак, версии о Грибоедове как связном, посреднике между Кавказским корпусом, Северным и Южным обществами доказать не удавалось. Десять главных заговорщиков ответили отрицательно на поставленный вопрос.

Ответили или — не проговорились, выгораживали поэта? Но у следствия оставалась другая возможность, последняя: допрос самого Грибоедова. Версия еще не отпала...

24 февраля Грибоедова доставили в комендантский дом Петропавловской крепости. Там плац-майор накинул ему на голову мерзкий колпак и повел, как слепого. В зале колпак сняли, и Грибоедов увидел за длинным столом членов Следственного комитета. Многих он знал: петербургского военного генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова, князя А. Н. Голицына. И наверно, вспомнил, что в знаменитой пушкинской эпиграмме князь был аттестован как «холопская душа» и «просвещения гонитель»... Рядом сидели А. Х. Бенкендорф (будущий шеф жандармов) и великий князь Михаил Павлович. Николай I не постеснялся назначить членом Следственного комитета представителя царствующей семьи. Родной брат царя оказался судьей декабристов, выступавших за уничтожение самодержавия. Председательствовал военный министр А. И. Татищев. Среди членов комитета Грибоедов заметил еще одно знакомое лицо — делопроизводителя Андрея Ивановского и вспомнил, что встречался с ним на собраниях Общества любителей российской словесности.

Посыпались первые вопросы. Они были пространны, и, пока генерал Левашов задавал их, Грибоедов мог продумать ответ, сообразить, где таится подвох. Потом Левашов внушительно произнес:

— Комитет требует показаний ваших о том, в чем именно состояли смелые насчет правительства суждения, что находили вы вредным в правительстве и в чем заключались желания ваши лучшего.

Это был главный вопрос. Ответчика, должно быть, рассчитывали поймать именно на нем. Но

Грибоедов, видимо, ждал его. За долгие дни заключения понял, что зря сказал на первом допросе о «смелых суждениях». Скажешь, о чем судили, спросят: с кем? Ждут новых фамилий. Он вспомнил совет Любимова и ответил:

— Суждения мои касались до частных случаев, до злоупотребления местных начальств, до вещей всем известных... Я не способен быть оратором возмущения, терпеливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратят на меня внимание... правительства, перед которым я был бы еще откровеннее.

Стоп! Вот это сказал напрасно: «Был бы еще откровеннее». Могли спросить: что он имеет в виду? И тогда...

Не спросили.

Затем начался второй круг однотипных вопросов. По документам следствия теперь видно, что они имели целью сбить допрашиваемого с толку и поймать на противоречиях.

Снова говорил Левашов, мягко, убежденно, как будто сожалея, что обвинение так явно...

— По показанию Оболенского, вы дня за три до отъезда из Петербурга решительно были приняты в члены тайного общества. Объясните: какое вам дано поручение насчет приготовления умов к революционным правилам в кругу вашего пребывания и распространения членов общества?

Ответ Грибоедова дает представление о том, как был коварен вопрос и как умно поэт построил свою защиту. Он понял, что главным было не столько упоминание о показаниях Оболенского, сколько то,

что за ним следовало. Генерал сказал: «В кругу вашего пребывания». То есть на Кавказе! Вот где была ловушка!

Допрашиваемый внезапно снова увидел лицо Ивановского. Оно выражало участие. И Грибоедов нашел выход! Медленно, как бы недоуменно раздумывая, начал:

— Не могу постигнуть: на каких ложных слухах он это основал? — И потом, словно вспомнив, уверенно продолжал: — Не на том ли, что меня именно за три дня до моего отъезда приняли членом в Общество любителей российской словесности, которое под высочайшим покровительством издает известный всем журнал «Соревнователь»...

Ивановский-то знал, что Грибоедов был принят в него не за три дня до отъезда, и мог поправить, но промолчал. Многие документы, а также воспоминания декабристов свидетельствуют, что делопроизводитель во время следствия незаметно для судей, но упорно пытался помогать арестованным, особенно Грибоедову, как автору любимой им комедии «Горе от ума». Составляя заключения по делу обвиняемых, «забывал» упомянуть о наиболее уличающих показаниях, бывал тайным посредником в переговорах декабристов с их друзьями и родственниками на воле.

Умелый ответ Грибоедова снял опасный первый вопрос и окольным путем увел от второго, не менее опасного. Таким образом, ни одной прямой улики судьи против Грибоедова не обнаружили. Выходило, что членство в литературном обществе было спутано с членством в тайном.

Следственный комитет 25 февраля постановил его освободить. Однако резолюция Николая I была иной: «Коллежского асессора оставить пока у дежурного генерала». Почему? Видимо, потому, что царь все ждал известий с Кавказа, они решали все. Снова потянулись дни заключения. Но капитан гауптвахты, питая слабость к ее старожилам, разрешал переписку, свидания с друзьями и даже украдкой водил Грибоедова и Завалишина в кондитерскую Лореды на углу Невского и Дворцовой площади. В задней комнате не торопясь ужинали, потом Грибоедов подолгу музицировал. И думал...

Он думал о том, что Александр Бестужев, Рылеев, Бестужев-Рюмин, Пестель своими показаниями спасали его и других, не названных, о которых комитет так и не узнал. С удовлетворением вспоминал, что сам никого не назвал, не запутал в дело. Но томился тягостным предчувствием. Что ждет милых его сердцу Одоевского и Кюхельбекера?

В мае Николай I получил наконец долгожданную депешу с Кавказа. В депеше Меншикова сообщалось, что на Кавказе спокойно, «нравственные расположения войск весьма хороши... Генерал Ермолов обращает стремления войск на предметы служебные». Император вздохнул свободнее.

В сущности, это был оправдательный документ для Грибоедова, хотя он и не был в нем упомянут. Версия о том, что Грибоедов — кавказский связной между заговорщиками, разрушилась. На высочайшее утверждение снова подается резолюция А. А. Ивановского, отложенная императором до известий с Кавказа: «Коллежский асессор Грибоедов

не принадлежал к обществу и о существовании оного не знал. Показание о нем сделано князем Евгением Оболенским со слов Рылеева; Рылеев же ответил, что имел намерение принять Грибоедова, но, не видя его наклонным ко вступлению в общество, оставил свое намерение. Все прочие членом его не почитают». Ивановский в своем заключении не напомнил о показании Трубецкого и словах тех арестованных, которые как раз «почитали» Грибоедова членом общества (Н. Н. Оржицкого, А. Ф. Бриггена).

И в начале июня царь подписал приказ о его освобождении с «очистительным аттестатом». Если бы у Николая I не было упорного желания выяснить роль Грибоедова именно в Кавказском корпусе и наличия там общества, следствие могло пойти иначе. Например, могло заняться подробно разъяснением открытой фразы Рылеева о сочинителе «Горя от ума»: «Он наш». Кто знает, чем бы оно тогда кончилось! Но Следственный комитет, подчиняясь высочайшей воле, по отношению к Грибоедову отрабатывал только одну версию...

Через несколько лет, в 1828 году, Грибоедов сказал одному из высокопоставленных чиновников загадочную фразу: «Великая тайна умерла вместе с Пестелем и Сергеем Муравьевым». Значило ли это, что тайное общество до конца не было уничтожено, что со смертью вождей потеряны лишь нити, тянувшиеся с мест к организационному центру? И что знал об этих связях Грибоедов?

Многие факты и документы свидетельствуют о крепкой идейной связи декабристов и Грибоедова, о том, что поэт знал о существовании тайного об-

щества и его программе. Однако план вооруженного восстания он критиковал, считал недостаточно надежным для полного успеха. «Сто прапорщиков хотят перевернуть государственный быт России», — с усмешкой говорил автор «Горя от ума».

Родственник Грибоедова Д. А. Смирнов, интересовавшийся отношением поэта к тайному обществу, однажды прямо спросил об этом старого сенатора А. А. Жандра, одного из самых близких друзей Грибоедова:

— Очень любопытно, Андрей Андреевич, знать настоящую действенную степень участия Грибоедова в заговоре четырнадцатого декабря.

Тот ответил:

— Да какая степень? Полная.

— Полная?

— Разумеется, полная. Если он и говорил о ста человеках прапорщиков, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне.

Так была заполнена еще одна страница биографии А. С. Грибоедова.

В ТО УТРО СОЛНЦЕ НЕ ВЗОШЛО...

Светлой июньской ночью по улицам города металась коляска. Отчаянный и лихорадочный стук колес слышали на Исаакиевской, потом на Дворцовой, на набережных и снова у Сената, Зимнего дворца, Адмиралтейства.

Узнав, что утром свершится «смертельная казнь», жена Рылеева пыталась выпросить последнее свидание в Петропавловской крепости. Но мосты через Неву были разведены, и Наталья Михайловна воротилась без всякого успеха.

Сто двадцать «государственных преступников» царский суд приговорил к разным видам наказаний: вечной каторге, ссылке, разжалованию... Но для пятерых из них кара была самой чудовищной и жестокой: четвертование.

Как страшна была эта ночь для родных и близких. Ни тогда, ни позже они не оставили о ней письменных воспоминаний. Откуда же сведения, которыми ученые располагают?

В 60 — 80-е годы XIX столетия историк М. И. Семевский собирал материалы и документы о восстании 14 декабря. Он был знаком с некоторыми из декабристов. И эти знакомства использовал для уточнения деталей подготовки и проведения восстания 1825 года, жизни его участников в тюрьме, ссылке. Благодаря ему увидели свет многие декабристские материалы и ценнейшие мемуары. Будучи редактором журнала «Русская старина», М. И. Семевский сам публиковал их. Архив М. И. Семевского и «Русской старины» хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома. Отрывки некоторых записей историка напечатаны совсем недавно. Среди них — рассказ о Рылееве рассыльного «Полярной звезды» Агапа Ивановича, оброчного крестьянина, работавшего по найму.

С Агапом Ивановичем М. И. Семевский познакомился в 1871 году. 70-летний старик многое помнил. Его рассказы были свежи и непосредственны. Он знал друзей Рылеева и умел отличить врагов. Его заключения о них метки и оригинальны. Простой и честный человек, Агап Иванович после ареста редакторов «Полярной звезды» не ушел из дома,

остался при жене и дочери Рылеева. Он сопровождал Наталью Михайловну в ту ночь перед казнью, он наблюдал и последнее свидание...

Настенька успела повидать своего отца, когда однажды, единственный раз, матери разрешили встречу в Петропавловской крепости.

Было начало июня, стояли теплые дни. Коляска проехала Иоанновские ворота и остановилась у палисадника. Худенькая смуглая женщина с заплаканным лицом и маленькая черноволосая девочка, держась за руки, торопливо вошли в дом коменданта. Тюремщики тщательно осмотрели их одежду. Потом обеих повели на крепостной двор. Там, по приказу офицера, мать и дочь окружили солдаты с ружьями и примкнутыми штыками, направленными на них. На затоптанной земле кое-где пробивалась свежая травка, у крепостных стен уже расцвели желтые цветки одуванчика. Настенька вытягивала шею, поднималась на носки, пытаясь что-нибудь разглядеть из тесного круга мундиров и сапог. Наталья Михайловна молча глядела на дверь каземата.

Наконец дверь отворилась и Рылеев вышел, также окруженный солдатами, скрещенные штыки которых были тоже направлены на него. Он был очень худ, небрит и бледен, почти как ворот его белой рубашки, расстегнутой у шеи. Девочку, необыкновенно похожую на узника в арестантском халате, солдаты передавали на руках. С разных сторон смотрели друг на друга одинаковые глаза. Одни — любящие, страдающие, полные слез, другие — чистые, детские, непонимающие.

— Папаша, у тебя волосы выросли, — просто сказала она, глядя в незнакомое бородатое лицо.

Сквозь двойную клетку солдат переговаривались муж и жена. На свидание было дано не более четверти часа...

— Береги Настеньку, Наташа! — выкрикнул последние слова Рылеев. Его увели.

Мать и дочь возвратились к коляске в слезах, беспрестанно оглядываясь на одно окно. Там за железной решеткой стоял Кондратий Федорович в белой одежде и, воздев руки к небу, слегка потрясал ими, прощаясь... Кучер Петр, сняв шапку, громко рыдал и причитал, как в деревнях по умершим...

После разгрома восстания Николай I говорил: «Я проявлю милосердие, много милосердия, некоторые скажут даже слишком много...»

Во время суда над декабристами он писал брату в Варшаву: «Заседания идут без перерыва... Затем последует казнь, — день, о котором я не могу думать без содрогания». Царь тоже человек, и ему могло быть не чуждо сострадание к поверженному врагу, но... не будем так доверчивы: «милосердие», «сострадание» — все это для потомков. Император желал остаться в памяти России великодушным, добрым «батюшкой»-царем. Николай I не знал, что потомки найдут и другие документы, тайные...

Когда-то Лев Толстой, работая над романом «Декабристы», мучительно раздумывал: как один человек может распорядиться жизнью других, прервав ее? Как сталкиваются два мира: осуждающих и осужденных? И до каких пределов человек существует как личность? По просьбе писа-

теля нашли документ (великий психолог был убежден, что в том или ином виде такой документ существует) — копию царского приказа. Ее сохранил внук генерала, распоряжавшегося на кронверке 13 июля 1826 года. Этот приказ, по сути, «сценарий» казни, расписанный самим царем во всех подробностях, злобная месть за страх, пережитый 14 декабря. Предусмотрены построение войск, порядок действий, костюмы, ритуал, музыка (!) и особенно тщательно — унижение достоинства, что для «тех» — царь знал — было пострашнее смерти...

Толстой своей рукой переписал эту копию, озаглавив ее: «Документ Николая».

«В Кронверке занять караул. Войскам быть в три часа. Сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамен. Конвойным оставаться за ними, считая по два на одного. Когда все будет на месте, то командовать «на караул» и пробить одно колено похода. Потом г[осподину] генералу, командующему эскадроном и артиллерией, прочесть приговор, после чего пробить второе колено похода и командовать «на плечо», тогда профосам (исполнителям. — *Л.Д.*) сорвать мундир, кресты и переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный костер. Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в Кронверк. Тогда возвести присужденных на смерть на вал, при коих быть священнику с крестом. Тогда ударить тот же бой как для гонения сквозь строй, докуда все не кончится».

Вот таким было истинное лицо человека, желавшего казаться великодушным. Члены суда получили

специальное уведомление, где значилось, что государь император «никак не соизволяет не только на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую казнь, с пролитием крови сопряженную». И судьи догадались, чего от них хотят...

Для исполнения приговора был назначен ранний час. Царь не желал свидетелей. Но слухи просочились.

Коротка летняя ночь. Едва забрезжил туманный рассвет, как Петербург крадучись стал просыпаться. Группы людей встали на Троицком мосту, на узком берегу у крепости. Чьи-то темные фигуры качались в яликах на Неве.

Люди видели, как с Адмиралтейской стороны привезли виселицу на нескольких ломовых извозчиках. В кронверке ставили помост на конце крепостного вала против небольшой церкви, стоявшей тогда у Троицкого (ныне Кировского) моста. (Сейчас на этом месте находится памятник казненным декабристам.) Войска уже стояли вокруг дугою: два сводных батальона гвардейской пехоты, два эскадрона кавалерии и одна сводная бригада артиллерии. Горели костры, глухо стучали барабаны...

Около 3 часов утра началась экзекуция над осужденными к каторге и ссылке. Им прочли приговор, затем велели стать на колени, сорвали эполеты, знаки отличий, преломили над головой шпаги и бросили мундиры в костер. В другой, грубой арестантской одежде они вернулись в крепость.

Пятерых вывели на казнь. Они медленно шли из крепости через мост на кронверк. Впереди офицер, командир взвода лейб-гвардии Павловского полка, потом пять полицейских с обнаженными саблями, следом осужденные: первым Каховский, за ним С. И. Муравьев-Апостол под руку с Бестужевым-Рюминым, затем Рылеев и Пестель. Они вышли в тех самых мундирах и сюртуках, в которых были схвачены. Кандалы, надетые еще в ночь, мешали двигаться. Замыкали шествие двенадцать павловских гренадеров. Пестель бы так изнурен тюремным заключением, что не мог переступить высокого порога калитки, и солдаты приподняли его в крепостных воротах. 23-летний Бестужев не хотел расставаться с жизнью, которую только начал. Он насилу шел, и Сергей Муравьев обнял друга.

Они увидели сумеречный рассвет и самое страшное из всего окружающего — виселицу. Позорная смерть...

— Как разбойников... — горько сказал Муравьев-Апостол.

Пестель с большим присутствием духа произнес:

— Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно было бы нас и расстрелять.

Священник Мысловский подошел к «преступникам» с крестом и последними напутствиями. Может быть, он еще пытался утешить их и себя надеждой? Священник не верил, что казнь свершится. В крепости, посещая узников, намекал на поми-

лование туманной фразой: «Конфирмация-декорация».

Они уже приготовились. Но казнь не начиналась. Один из ломовых извозчиков, везший для виселицы перекладину, где-то застрял. И так и не прибыл на место. После ходили слухи в Петербурге о том, что извозчик, сочувствуя декабристам, будто бы намеренно, надеясь спасти их, ночью сбросил с телеги проклятый столб и скрылся...

Пока рубили новую перекладину, павловские гренадеры по приказу петербургского военного генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова отвели смертников в крепостную церковь, где они выслушали при жизни погребальное отпевание. По другой версии, их поместили на время в полуразрушенное Училище торгового мореплавания, находящееся вблизи вала. Там же стояли сколоченные заранее пустые гробы.

...Пятеро снова пошли на казнь. Их верхнюю одежду сорвали, бросили в костер и приказали надеть длинные белые рубахи с нагрудниками, на которых было написано: «Цареубийца». Но виселица все еще была не готова! Палач доказывал, что столбы очень высоки.

Полицмейстер громко прочитал решение судей:

— «Верховный уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти вместо мучительной смертной казни четвертованием, определенной Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговорил сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить».

До нашего времени сохранилось несколько свидетельств о казни: рассказы В. И. Беркопфа — начальника кронверка Петропавловской крепости, Б. Я. Княжнина — петербургского обер-полицмейстера, полицейского офицера, воспоминания шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, немецкого историка И. Г. Шницлера, писателя Н. В. Путяты и других. Эти свидетельства являются основным историческим источником, восстанавливающим общую картину и детали события, происшедшего 13 июля 1826 года. Казнь декабристов потрясла очевидцев, но запечатлелась по-разному в их сознании в зависимости от душевного состояния и от того, где находился свидетель: рядом с осужденными, эшафотом или дальше — среди собравшейся толпы. Однако, несмотря на некоторую противоречивость рассказов, во многом они дополняют друг друга и уточняют сведения о поведении приговоренных перед казнью, о настроениях петербургских жителей, сочувствующих осужденным, о гибели лучших людей России — истинных и верных сынов отечества.

Большинство очевидцев, оставивших свои воспоминания, упоминают двух палачей. Другие — не менее уверенно — одного. Заблуждение, отклонение памяти или ошибка? В Петербурге говорили, что для этой акции палачей выписали из Финляндии или из Швеции. В исторической литературе до сих пор считалось, что имена их неизвестны...

Редкая это была в России XIX века профессия — «заплечных дел мастера». Желающих не находилось. В Петербурге к началу 1818 года не было ни одного палача. И все-таки кто-то был нанят. Кто

и когда? По специальному указу Сената предписывалось определять в звание палачей осужденных к розгам и ссылке, освобождая их от наказания, а имена держать в тайне.

Недавно историки обнаружили неизвестный ранее документ: «Дело о содержании заплечных дел мастеров». Из дела следовало, что 13 июля на кронверке Петропавловской крепости палачей было действительно двое. Названы и их фамилии: Козлов и Карелин, судимые ранее за кражу. Но самое главное заключалось в дате, которая стояла на документе. Дело было начато 22 декабря 1825 года в связи с определением на службу этих «мастеров».

Значит, через восемь дней после восстания, до суда и следствия, обещая жизнь Рылееву и Каховскому, обещая проявить милосердие, «много милосердия», так много, что «некоторые скажут даже слишком много», царь уже знал, что ему потребуются палачи! Нанял их загодя... Эти два палача и «трудились» в тот страшный день. Но к началу казни остался только один...

Нервничал Николай I в Царском Селе, опасался волнений в народе, беспорядков. Поэтому кронверк дугою окружали сводные батальоны пехоты, кавалерии, артиллерии. Нервничал гарнизонный военный инженер Матушкин. Наконец послали солдат в Училище торгового мореплавания за скамьями. Нервничал и священник Мысловский, с нетерпением и горячей верой ожидая гонца с помилованием, и, «к крайнему своему удивлению, тщетно».

В Петербурге давно не бывало казней. Последний раз — в 1764 году: на Сытном рынке казнили

поручика Мировича, который сделал неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости заключенного там царевича Иоанна Антоновича. С тех пор не было казней, во всяком случае, открытых. Неужто сейчас будет? Нет, нет! В толпе тоже надеялись. Кто-то пустил слух, что у самого вала среди гвардейцев находится переодетый царь. Ждет сильного мгновения, чтобы выйти и поднять прощальную руку...

Осужденные тихо говорили между собой. Полицейский офицер, сопровождавший их к месту казни, вспоминал, что «они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело».

Из дальних лет пришел к нам еще один документ под названием «Рассказ самовидца». Листаю ветхие его страницы в Рукописном отделе. Имя рассказчика неизвестно. Запись была обнаружена в бумагах М. Я. Чаадаева, брата П. Я. Чаадаева, друга Пушкина, философа, публициста, члена одной из первых тайных организаций декабристов — «Союза благоденствия». М. Я. Чаадаев хорошо знал многих декабристов и, вероятно, уговорил человека, бывшего в числе зрителей на кронверке, записать свои воспоминания. «Самовидец», по-видимому, стоял недалеко от виселицы и близко видел осужденных. Очень ценно в его рассказе нигде более не встречающееся сообщение о трагической «жеребьевке»: «Преступники на досуге, сорвав травки, бросали жребий, кому за кем идти на казнь, и досталось первому — Пестелю, за ним — Муравьеву, а далее — Бестужеву-Рюмину, Рылееву и Каховскому».

Вот и палач, он приблизился. Но... Как вспоминал обер-полицмейстер Княжнин, «когда он увидел людей, которых отдали в его руки, людей, от одного взгляда которых он дрожал, почувствовав ничтожество своей службы и общее презрение, он обессилел и упал в обморок». Его сменил другой, Карелин.

5 часов 30 минут утра 13 июля 1826 года. Осужденных ввели на эшафот. Они приблизились друг к другу, поцеловались, пожали связанные руки. С высокого вала видно было крепость, костры, тусклую рябь невской воды и низкие тучи. Собиралась гроза. Она разразится в полдень... Палач натянул колпаки на лица, надел петли. Генерал махнул рукой. Барабаны заиграли «как для гонения сквозь строй».

Мысловский упал на колени, закричал:

— Прощаю и разрешаю!

Бенкендорф стиснул веки и лег ничком на шею коня.

Декабрист Розен в камере поднял кружку и выпил воду, не допитую Рылеевым...

Для двоих прервался бой барабанов. Трое — Рылеев, Каховский и Сергей Муравьев, — упав на помост, услышали его снова.

— Вешайте, вешайте снова скорее! — закричал Голенищев-Кутузов. Но... не оказалось запасных веревок.

Свидетели слышали, как там, у виселицы, поднимаясь, крикнули:

— И повесить-то порядочно не умеют...

— Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется, вы видите, мы умираем в мучениях....

Послали в лавки курьеров, но час был ранний, и лавки закрыты. Наконец добудились купца. «Операция была повторена и на этот раз свершилась удачно», — доносил начальник кронверка.

Эшафот сломали, увезли. Но пройдет время, и Пушкин с Вяземским будут искать и найдут место казни и сохранят щепки от виселицы. Пушкин искал и могилу, расспрашивал, узнавал и не нашел... Мы тоже не знаем, где это горькое и святое место. Какое это было злодейство — скрыть ее...

Один из декабристов (имя его осталось неизвестно) в Сибири написал стихотворение. Он закончил его обращением к будущей, свободной России:

Заживешь ты, матушка, тогда барыней.
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгреби наши косточки и поплачь на них!

И когда найдут могилу, ничего бы на ней не ставить. А посадить бы русскую иву, пусть стелется, плачет...

«ПРОЩАЙТЕ, ДРУЗЬЯ...»

Вечерами над Большой Морской высоко взметался красный шар. По этому сигналу тотчас являлись фонарщики с лестницами за спиной. Они медленно взбирались на столбы, прикрывшись белой жесткой рогожей, и в туманных петербургских сумерках казались странными привидениями.

В кабинет вносили свечи. Раздавались голоса из детской, хлопала входная дверь, с Мойки доносился стук дрожек, потом все стихало. Поэт оставался наедине со своим огромным письменным столом

и своими книгами. Он работал и много читал, по юношеской привычке полулежа, читал с наслаждением.

Ночь летела. Мягко, покойно светила жестяная лампа-ночник, тихо отзванивали часы, иногда слышно было, как в конюшне всхрапывали — к дождю — кони и где-то далеко гулко перекликались сторожа.

Утром город пробуждался от барабанного стука, начинался день в казармах. Поэт бережно ставил на полку очередную прочитанную книгу.

Охота к чтению начала развиваться в детстве. Мальчиком Пушкин проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора «пожирая» все книги, попадавшиеся ему под руку. В 9 лет он зачитывался сочинениями древнего историка Плутарха, «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера. Библиотека его отца, Сергея Львовича, была богата произведениями русских и французских писателей.

Пушкин рано познакомился с творчеством русских поэтов XVIII века, с комедиями Мольера и Бомарше, с сочинениями Вольтера. По словам брата Льва, Александр был одарен «памятью необыкновенной». Чтение формировало духовный мир будущего поэта, будило, торопило дремавшую в нем страсть к творчеству.

Вечером мальчик долго не засыпал. Его спрашивали: «Что ты, Саша, не спишь?» Он отвечал: «Сочиняю стихи...»

Едва научившись держать в руке перо, Пушкин пишет басни, подражая любимым баснописцам Лафонтену, Дмитриеву, Крылову, и маленькие комедии на французском языке в стиле Мольера.

В Лицее Пушкин поразил товарищей своим образованием. Иван Пущин вспоминал: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слышали, все, что читал, помнил...». Уже в 13 лет он был признанным поэтом среди своих товарищей. Но скоро слава его вышла за стены Лицея. Пушкин «рос не по дням, а по часам», подобно славному богатырю Гвидону, который вдруг

...на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Книги были всегдашними друзьями Пушкина, от колыбели и до самой гибели. Большую часть денег, заработанных изданиями своих произведений, поэт тратил на покупку книг. Его знали во всех книжных магазинах Петербурга. Часто видели на Большой Морской у известного книготорговца Плюшара, в лавке Слёнина на Невском проспекте, в доме Публичной библиотеки и на Садовой улице, где торговали книгами братья Глазуновы. В лавке Лисенкова он узнавал о новых книгах для книжного обозрения издаваемого им «Современника», в английском магазине Л. Диксона требовал книг, относящихся к биографии Шекспира. У А. Ф. Смирдина его привлекали хозяйская библиотека и литературный клуб, где собирались писатели. Много книг Пушкин выписывал из-за границы через

магазин Ф. М. Беллизара, помещавшийся в доме голландской церкви на Невском проспекте. У Беллизара покупать было особенно приятно: он охотно продавал в долг Пушкину и не торопил с отдачей денег...

Человека среднего роста, с огненными глазами на желтоватом нервном лице хорошо знали и в лавках попроще. Купцы, хозяева «холодных» лавок (они не отапливались из страха перед пожаром), ставили их там, где больше простого народа: у рынков, балаганов, деревянных катальных гор.

Поэт радостно сообщал жене о новых пополнениях: «Моя библиотека растет и теснится!»

«Я разоряюсь на книги, как стекольщик на алмазы», — смеясь, говаривал Пушкин своим друзьям.

Он не имел сил совладать с желанием приобретать их, несмотря на требование рассудка. Пушкин так и не смог заплатить Беллизару. Долг вырос до огромной суммы в 3399 рублей...

В квартире на Мойке Пушкин думал прожить с семьей не менее 2 лет. Поэт был на вершине славы, в расцвете творческого гения. Он уже написал «Полтаву», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», задумывал новые произведения, начинал исторические исследования. Казалось, все впереди...

«Душа моя расширилась, я чувствую, что я могу творить!» — писал он в одном из писем.

Он мог бы прожить еще несколько десятилетий! И силы телесные «были таковы, что их достало бы у него на 90 лет...»

Поэт ожидал счастливого нового, 1836 года. Но уже отливалась та страшная пуля...

Счастья не было. Материальное положение Пушкина после женитьбы все ухудшалось. Светский образ жизни требовал больших расходов. Увеличивались долги... Нравственное состояние поэта было гнетущим: тяготила опека императора, объявившего себя цензором его произведений, постоянный жандармский надзор.

Зимой 1836 года враги Пушкина распространили против него подлую клевету, которая задевала честь жены, Наталии Николаевны. В травле поэта принял активное участие голландский посланник в России барон Геккерен.

Приемный сын Геккерена, молодой французский эмигрант Жорж Дантес, зачисленный Николаем I в русскую гвардию, нагло ухаживал за женой Пушкина. Дуэль сделалась неизбежна. Царь и его двор ненавидели поэта, автора смелых стихов, друга декабристов. Потому Дантес и посмел поднять руку на гения России.

Утром 27 января Пушкин «встал весело в восемь часов—много писал—часу до одиннадцатого». Потом взялся читать «Историю России в рассказах для детей». «История» А. О. Ишимовой была последней книгой, которую он держал в руках.

Секундантом Пушкин выбрал Константина Данзаса, бывшего лицеиста. Если б в Петербурге находились Вильгельм Кюхельбекер, Иван Пущин и Иван Малиновский — ближайшие и дорогие Пушкину лицейские друзья, — может, он выбрал бы кого-нибудь из них. И вряд ли состоялась бы тогда эта дуэль! Все трое поступили бы так, как Пущин, который писал из тюремной камеры, узнав о гибели

друга, Малиновскому: «Если бы при мне должна была случиться его последняя, несчастная история, и если б я был на месте Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь, я нашел бы средство сохранить поэта-товарища, достояние России».

Данзас средства такого не нашел и свою грудь не подставил...

В четвертом часу дня Пушкин и его секундант сошлись в кондитерской Вольфа и Беранже на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Оттуда они отправились в санях по направлению к Троицкому мосту.

День был холодный, ясный. На Неве стояли высокие в две стороны деревянные катальные горы, украшенные елками и цветными бумажными лентами. Масса простого люда собралась на гулянье. Съехалась и петербургская знать — покататься в расписных санях. Мороз усиливался, и некоторые кареты уже возвращались. Знакомые весело раскланивались с Пушкиным, не догадываясь, что он едет к месту поединка...

Недоезжая Троицкого моста сани съехали на Неву и помчались по блестящему, раскатанному льду.

— Эй, родимые, гните ножки по беленькой дорожке! — удало вскрикивал извозчик, подстегивая лошадей.

— Не в крепость ли ты везешь меня? — усмехнувшись, спросил Пушкин своего секунданта.

— Нет, через крепость на Черную речку самая близкая дорога. Быстрее доедем, — рассудительно ответил Данзас.

Он, по неопытности или за отсутствием времени, не предупредил ни Спасского, домашнего врача Пушкиных, ни лейб-медика Арендта, жившего рядом на Мойке, чтоб те до вечера не выходили из дому. Забыл нанять карету на случай тяжелого ранения. Но не беспокоился. Стремился лишь вовремя достигнуть назначенного места, не опоздать!

Перелистаем характеристики лицеистов, составленные их преподавателями, директором и гувернерами.

Пущин: «Счастливые способности, соединяет понятливость с рассуждением, благородство, воспитанность, чувствительность с мужеством суть отличительные свойства».

Кюхельбекер: «Много таланта, много сердца и много чувства».

Данзас: «Злобен, дерзок, нерадив... Или вовсе не имеет способностей, или они еще не развились в нем».

И именно он оказался с Пушкиным в его страшный час...

Сани летели мимо Петропавловского собора, комендантского дома, позади остался кронверк. О чем думал Пушкин? Эти места наверняка напомнили ему тогда о горестных событиях.

9 лет назад, в весенний праздник водосвятия, Пушкин с Вяземским пошли бродить по крепости и бродили два часа. Много было странного, мрачного и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам. Друзья искали место казни Рылеева и его товарищей. Нашли несколько щепок от виселицы....

Солнце опускалось. Вот уже и Каменный остров, великолепный дворец — бывшая загородная резиденция Александра I. Летом на фоне зелени так прекрасны мраморные скульптуры... Теперь в белом снегу среди голых деревьев старого парка неподвижно и зловеще высились фигуры, укутанные в темную рогожу, обвязанные веревками...

Промелькнули и светлые памятки: густо-красная часовня Иоанна Предтечи — здесь Пушкины крестили троих детей; и красивая дача Миллера осталась позади, где родился первый сын, «рыжий Сашка».

Приближался конец пути. Потянулись пустые домики, крестьянские избы. Может быть, на Черной речке с ликующим визгом носились мальчишки и было слышно, как они «коньками звучно режут лед».

Оба противника приехали почти одновременно. Пушкин выбрался из саней. Снегу было по колено. Он лег на него и начал свистать.

Данзас и Д'Аршиак, секундант Дантеса, нашли удобное для дуэли место саженях в полуторастах от Комендантской дачи. Крупный густой кустарник окружал здесь небольшую площадку и скрывал ее от глаз прохожих и извозчиков, оставленных на дороге.

Секунданты утаптывали дорожку длиной в двадцать шагов. Дантес ловко помогал им, перебрасываясь с Д'Аршиаком короткими фразами. Барьеры обозначили шинелями. Пушкин, закутанный в медвежью шубу, сидел на сугробе и молча ждал. Наконец все было готово, пистолеты заряжены, противники расставлены.

Разрумянившийся на морозе Данзас махнул шляпой. Дуэлянты начали сходиться.

Пушкин пошел быстро и, почти достигнув барьера, стал целиться.

Он опоздал на секунду.

Дантес, не дойдя до барьера, выстрелил первым.

Смертельно раненный, Пушкин упал. Но, собрав силы, приподнявшись, сделал свой выстрел. Его пуля попала в левую руку противника, которой тот прикрыл грудь, и лишь слегка контузила Дантеса.

Пушкин потерял сознание и, лежа на снегу, истекал кровью.

Врача на месте дуэли не было. Данзас не позаботился об этом. В санях везти тяжелораненого было невозможно. И Данзас принужден был воспользоваться каретой Дантеса. Она медленно повезла поэта по той же дороге назад: через Каменный, Аптекарский, Городской острова, по Троицкому мосту через сверкающую потешными огнями, холодно застывшую Неву...

На Невском тьма была идущих и едущих. Сумерки уже опустились на город. По набережной Мойки мчались кареты, и веселый свет их хрустальных фонарей бежал радугой по снегу...

Пушкина положили в кабинете. Врачей разыскали не скоро. Осмотрев рану, Арендт заключил: надежд на выздоровление нет. Двое суток раненый жил с ощущением приговоренного к смерти. Мучительную боль переносил с необыкновенной твердостью. Сам тер себе виски льдом, накладывал на живот припарки. Рядом с ним постоянно

находились Жуковский, Вяземский, Даль. Приезжали прощаться близкие.

Поэт лежал на диване лицом к книгам. «Друзья» все были здесь, рядом. Имена их блестели на корешках: Ломоносов и Шекспир, Вольтер и Радищев, Державин и Байрон, Крылов, Грибоедов, Гнедич, Баратынский... Тут же и безымянное издание — мистерия «Ижорский». Ее автор Кюхельбекер разделил судьбу декабристов. Он далеко от Петербурга — «лицейской жизни милый брат» Вильгельм, которого так ждал тогда в ссылке, в Михайловском.

Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Кюхельбекер в ссылке. С ним успел проститься — случайно, на маленькой станции увидел среди арестантов, худого, бледного... С другими не успел. И уже не успеет...

Дельвиг умер; Жанно, «первый» и «бесценный друг», — в Сибири.

— Жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, — тихо произнес он вслух, — мне было бы легче умирать...

Когда боль становилась невыносимой, Пушкин говорил прерывисто:

— Нет, мне здесь не житье: я умру... да, видно, уж так надо...

Терял сознание. Потом открывал глаза и снова видел книжные полки. Книги теснились вокруг него, словно желали помочь, поднять. Полки, наклоняясь, подставляли свои деревянные плечи... Пушкин сжал руку Даля, потребовал в беспамятстве:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше — ну, пойдем!

Очнувшись, выговорил:

— Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко и голова закружилась...

Последние минуты приближались. Пушкин вдруг раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

— Кончена жизнь.

Даль недослышал, спросил тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, — отвечал он внятно. — Тяжело дышать, давит, — были его последние слова.

Часы показывали 2 часа 45 минут пополудни.

31 января в полночь на Мойку в сопровождении двадцати жандармских офицеров явился генерал Дубельт. Дом был темен, тихий плач слышался в комнатах. Тело Пушкина вынесли и тайно доставили в Конюшенную церковь.

1 февраля состоялось отпевание. В маленькой церкви едва уместились родные, друзья, товарищи по Лицею, а также дипломаты и петербургская аристократия. На площади и близлежащих улицах собрались огромные толпы народа — проститься с Пушкиным. Современники вспоминали, что тако-

го невероятного скопления людей Петербург не видел со дня восстания декабристов.

Ночью 3 февраля ящик с гробом, обернутым в темную рогожу, поставили на простые сани. В них примостился старый дядька Пушкина — Никита Тимофеевич Козлов.

Гроб сопровождали две кибитки: в одной ехал Александр Иванович Тургенев, в другой — жандармский офицер Ракеев.

«В полночь сани тронулись; при свете месяца несколько времени я следовал за ними, — вспоминал В. А. Жуковский, — скоро они поворотили за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих».

Прах великого поэта тайно вывезли из столицы... Стоял лютый мороз. Светила луна. Снежная пыль летела в глаза Никите Тимофеевичу и таяла в слезах — старик припал головой к гробу, да так и застыл до самого места...

У Святогорского монастыря зажгли костры, чтобы отогреть землю. Могилу рыли с превеликим трудом. Хоронили Пушкина кроме Тургенева, Козлова и жандарма несколько крестьян из окрестных сел, монахи со своим игуменом, столетним старцем, да две барышни — Маша и Катя Осиповы, их послала хозяйка Тригорского Прасковья Александровна, «чтобы присутствовал на погребении хоть кто-нибудь из близких». Когда поднесли гроб к могиле, трижды качнули его в сторону родного дома в Михайловском. Так и сейчас хоронят псковичи, по старинному дедовскому обычаю. Поставили сосновый крест.

— Надпись бы сделать... — сказал кто-то из крестьян. Тургенев ответил:

— Скажи, чтоб черной краской вывели одно слово — «Пушкин», больше ничего не надобно...

Квартира на Мойке опустела. Наталия Николаевна вместе с детьми надолго покинула Петербург. «Разбрелись» вещи: одни были подарены, другие проданы. Лишилась своего пристанища и пушкинская библиотека. Книги, наскоро связав в тюки, отвезли в Гостиный двор и бросили в подвал. Через несколько лет чьи-то чужие, равнодушные руки переправили их в другой подвал — Конногвардейского полка. Подвалы не лучшее место для библиотек... Книги страдали от холода, сырости, кожаные корешки и переплеты грызли мыши.

Только через 20 лет библиотека покинула свою тюрьму. Сын Пушкина Александр привез ее в свое имение Ивановское, Бронницкого уезда. Но злоключения книг продолжались. Ивановское было продано, и библиотека переехала к родственникам А. А. Пушкина в имение Лопасня. Хранилась она там небрежно. Потом внук Пушкина, которого звали, так же как отца, Александром Александровичем, снова откупил Ивановское. Там и увидел библиотеку Пушкина академик Л. Н. Майков.

В 1906 году А. А. Пушкин передал библиотеку в Академию наук. 70-летнее многострадальное странствие книг окончилось. «Друзья» Пушкина навсегда поселились в специальном кабинете Пушкинского дома.

Мне посчастливилось побывать в нем, видеть и листать книги, которые читал великий поэт.

В кабинете сумрачно. Сначала он кажется немного чопорным и таинственным. Должно быть, из-за старинных портретов на стенах и больших, наглухо закрытых шкафов. Но вот щелкает выключатель, хранитель пушкинского фонда отворяет высокие дверцы, и под неярким светом старинной люстры тепло лучится золото книжных корешков...

Всего в библиотеке Пушкина более 3500 томов книг 1525 названий. Для того времени это крупная и богатая библиотека. Однако на самом деле у Пушкина книг было гораздо больше. Одни потерялись, другие были расхищены, подарены или разобраны родственниками.

Сразу бросается в глаза: Пушкин был высокообразованным человеком. Книги, находящиеся в библиотеке, изданы на 16 языках! Он превосходно знал русский и французский языки, владел латынью, древнеславянским, английским, немецким, польским, чешским, изучал итальянский, турецкий... Это давало ему возможность не только читать в подлинниках лучших поэтов и писателей мира, но и переводить их сочинения для русского читателя. На полках теснятся летописи, словари, учебники, мемуары, философские, медицинские сочинения, труды историков, этнографов, экономистов. Великого поэта интересовало все: астрономия и описания научных путешествий, песни и обычаи разных народов, теория шахмат и происхождение слов. Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности, утверждали современники. Друг поэта П. В. Нащокин рассказывал, что осведомленность его в вопросах языкознания изумляла

известного египтолога Гульянова. Ученый не мог надивиться светлым мыслям и верным замечаниям своего собеседника.

Белинский называл Пушкина «мирообъемлющим гением». С поразительной верностью он описывал в своих произведениях картины жизни античного мира, средневековья, XVIII века, время Французской революции.

Больше всего в библиотеке художественных произведений, отечественных и иностранных, — собрания сочинений и отдельные издания Ломоносова, Шекспира, 42 тома Вольтера, несколько томов запрещенного в России немецкого поэта Генриха Гейне и, конечно, русская классика — Державин, Гнедич, Жуковский, Гоголь...

Самая старая книга библиотеки — «Божественная комедия» Данте на итальянском языке, изданная в Париже в 1596 году. Может быть, именно ее Пушкин взял на Кавказ. Там он сочинил стихи, начинающиеся строками:

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает...

У Пушкина были уникальные, редкие книги. Среди них опальное сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Книга Радищева на протяжении ста с лишком лет находилась под строгим цензурным запретом. Немногие вышедшие издания уничтожались, их сжигали на кострах или перемалывали на бумажных фабриках. Начались эти «экзекуции» с 1790 года,

когда вышли в свет первые экземпляры «Путешествия из Петербурга в Москву». Молва о смелой книге распространялась с необыкновенной быстротой. Первые читатели были поражены: никто и никогда не выступал еще так дерзко против рабства и самодержавия...

Прочитав книгу, Екатерина II приказала арестовать автора. Он подвергся допросу в Тайной канцелярии (сыскной полиции), затем был приговорен к смертной казни, «милостиво» замененной ему ссылкой в Сибирь на 10 лет. Опасное сочинение предали огню. Несколько экземпляров избежало сожжения. «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 года издания стало одной из самых примечательных русских книг. С уцелевших экземпляров снимали многочисленные копии, и они переходили из рук в руки. Пушкин по этому поводу сказал: «Радищев, рабства враг — цензуры избежал!»

Сейчас известно 15 экземпляров «Путешествия». 13 находятся в нашей стране, 2 — за рубежом. Их судьба до сего дня интересует книголюбов. Книга, принадлежавшая Пушкину, считается самой ценной — она прекрасно сохранилась и имеет автограф. На титульном листе рукою поэта начертано: «Экземпляр бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей».

Смерть Пушкина отняла у России не только великого поэта, но и, быть может, великого историка. Исторические исследования поэта и сейчас изумляют своей глубиной, проницательностью, упорным стремлением к истине. В пушкинской библиотеке есть многотомный свод документов и материалов

о Петре I и его сподвижниках, изданный в конце XVIII века И. И. Голиковым под названием «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России». Согласно преданию, И. И. Голиков, стоя на коленях перед памятником Петру I, дал клятву выполнить этот труд.

Историки считают, что легенда отразила верноподданническое отношение автора к сюжету: Голиков и писал на коленях. Он не видел недостатков в своем кумире и умолчал об отрицательных сторонах личности Петра и его деятельности.

Пушкин начал заниматься историей Петра I с 1831 года. Он с интересом прочел огромный труд Голикова, но им не ограничился. Из писем Вольтера, содержащихся в 42-томном собрании сочинений, Пушкин узнал о рукописных документах, над которыми Вольтер работал, создавая по заказу Екатерины I свою «Историю России в царствование Петра Великого». Он изучил эти рукописи в библиотеке Вольтера, хранившейся тогда в Эрмитаже. С разрешения Николая I поэт усердно работал и в Государственном архиве над документами Петровской эпохи, к которым ранее историки не допускались. Вчитываясь в них, он стремился установить, как совершались в действительности важнейшие исторические события этого времени.

Пушкин не смог закончить свою работу. Николай I после его гибели повелел немедленно представить ему рукопись, ожидая найти там восхваления деятельности Петра.

Но Пушкин-историк царских надежд не оправдал. Он представил Петра не только как великого

преобразователя России, но и как деспота. «Достойна удивления, — писал он, — разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

Прочитав «Историю Петра I», царь категорически заключил: «Сия рукопись издана быть не может».

Незавершенный труд Пушкина так и не нашел издателя... «История Петра I» была опубликована в 1938 году — через 101 год после смерти ее автора.

Пожалуй, в библиотеке интереснее всего пометы. Книги Пушкина, так же как и Евгения Онегина, хранили «отметку резкую ногтей». По этим отметкам и «чертам его карандаша» внимательный и опытный взгляд может уследить, «какою мыслью, замечаньем» бывал «поражен» Пушкин, «с чем молча соглашался он». Изучение помет Пушкина позволяет ученым выяснить подоплеку создания многих произведений, его отношение к разным фактам, событиям.

В моих руках старая книга под длинным названием: «А. И. Бибиков. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, изданные сыном его сенатором Бибиковым».

Генерал-аншеф Бибиков был главнокомандующим карательными войсками, посланными против Пугачева.

На эту книгу падает наибольшее количество помет и закладок на страницах. Пушкин исправляет имена, фамилии, опровергает точку зрения автора, дописывает новые сведения. Значит, он знал о восстании и восставших больше, чем его современники? Да, это действительно так. Пушкин задумал «Историю Пугачева» в 1833 году. С разрешения военного министра он познакомился с архивными документами пугачевского восстания. В конце лета Пушкин отправился туда, где оно происходило. Побывал в Казани, Оренбурге, знаменитой Бердской слободе — штабе Пугачева. Поэт беседовал со стариками, знавшими самого Емельяна, собирал о нем народные песни и рылся в местных архивах.

В результате Пушкин узнал о восстании так много, будто сам участвовал в тех далеких событиях. Мощная и трагическая фигура Пугачева привлекала поэта, вызывала симпатию. Шеф жандармов Бенкендорф предупреждал Пушкина, что о мятежниках он должен высказываться с гневом и презрением.

Однако авторским сочувствием к восставшим проникнуты все страницы книги, изданной в 1834 году с исправленным по приказу императора названием: «История пугачевского бунта». Посылая «Историю» в подарок знаменитому герою Отечественной войны Денису Давыдову, Пушкин писал:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

На основе своих исследований поэт написал повесть «Капитанская дочка».

Современники оценили исторические исследования Пушкина. А. И. Тургенев, горько сожалея о прерванной жизни друга, писал: «Я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства... Потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря».

Среди серьезных сочинений странно вдруг видеть... сказки! «О Василье-королевиче и сером волке», «Об Ивашке медвежьем ушке», «О старике и внуке его Журавле»...

Мы знаем, как Пушкин любил слушать свою няню, Арину Родионовну. Любовь к сказкам с годами не прошла. Поэт во множестве покупал их и внимательно читал. Зачем? Он сам в дневнике так отвечал на этот вопрос: «Изучение старинных песен, сказок и т[ому] п[одобного] необходимо для совершенного знания свойств русского языка...»

Рядом со сказками — старые книжки разного формата в выцветших переплетах — сборники русских пословиц. Один из сборников 1779 года издания. Пословицы, видимо, тоже интересовали поэта. Я наугад открываю страницу... Но что это? На по-

лях выцветшие от времени чернильные крестики... Я смотрю другую страницу, третью, десятую, сотую. Масса крестиков! Сборник не просто читан, а, как бы мы сейчас сказали, проработан.

«Не смотри на меня комом, а смотри россыпью», — отмечает пословицу поэт. И я тоже испытываю радостное удивление от меткой образности языка наших предков. «И лжет, и ползет, и бесится», «Неправ медведь, что корову съел, неправа и корова, что в лес зашла» — эти пословицы отмечены тоже. Наверное, читая их, Пушкин смеялся тем своим особенным, искренним, задушевным смехом, про который современники говорили, что он так же увлекателен, как его стихи.

В России до Пушкина еще никто не писал таким языком — легким, живым; языком, в котором соединялись и простота, и поэтическая прелесть; еще никто не умел придавать русскому языку столько точности, выразительности и красоты. Пушкин первым стал описывать жизнь русского народа, его нравы. Великие художественные создания Пушкина были плодом не только его гения, его высокой культуры и богатого жизненного опыта, но и упорного, повседневного труда. «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте, — писал Гоголь. — В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек

в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла!»

Познакомившись с библиотекой Пушкина, особенно остро ощущаешь справедливость этих слов.

Заглянем в прошлое

За высокими окнами — солнечный зимний день. Может быть, от его яркого света так весело в небольшой уютной гостиной. На рояле раскрыты ноты известного в начале XIX века романса. Его любили петь в доме Ростовых...

«Приподняв голову, опустив безжизненно-повисшие руки, как это делают танцовщицы, Наташа, энергическим движением переступая с каблучка на цыпочку, прошлась посередине комнаты и остановилась.

«Вот она, я!» — как будто говорила она, отвечая на восторженный взгляд Денисова, следившего за ней...

Наташа в эту зиму в первый раз начала серьезно петь... она пела еще не хорошо, как говорили все знатоки-судьи, которые ее слушали. «Не обработан, но прекрасный голос, надо обработать», — говорили все. Но говорили это обыкновенно уже гораздо после того, как замолкал ее голос. В то же время, когда звучал этот необработанный голос с неправильными придыханиями и с усилиями переходов, даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этим необработанным голосом, и только желали еще раз услышать его».

Эту страницу романа «Война и мир» напоминает интерьер гостиной XIX столетия, воссозданный в зале Литературного музея Пушкинского дома, посвященном жизни и творчеству Л. Н. Толстого. А рядом — портреты героев войны 1812 года — М. И. Кутузова, М. Б. Барклая-де-Толли, генерала Н. Н. Раевского, поэта Дениса Давыдова

и рисунки, отражающие эпизоды партизанской войны и ее героев-крестьян. На белом стенде — слова Л. Н. Толстого: «Я старался писать историю народа».

Литературный музей Пушкинского дома — крупнейшее в Советском Союзе хранилище картин, портретов, памятных и историко-биографических материалов о жизни и творчестве русских и советских писателей.

Входишь в залы музея (а посвящены они Л. Н. Толстому, И. А. Гончарову, А. Н. Островскому, И. С. Тургеневу, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю) и словно попадаешь в другую эпоху. Начинаешь ощущать ее сразу же — по картинам, портретам, мебели. И за каждым экспонатом не только жизнь его бывшего владельца, но и подвиг того, кто сохранил, сберег вещь, ставшую реликвией. Наверное, это не так легко — век или полвека хранить, например, карандашный рисунок М. Ю. Лермонтова «Черкес с лошадью», который по блистательному исполнению можно приписать перу лучших художников, изображавших лошадей, — Делакруа или Орловскому; из поколения в поколение передавать тоненькую серебряную ручку А. А. Фета или орехового дерева письменный стол И. А. Гончарова, сработанный известным петербургским мебельщиком Гамбсом.

...Удивительна способность вещей передавать ощущение времени, делать его зримым. Они позволяют нам заглянуть в прошлое, прочувствовать атмосферу быта и того духовного мира, в

котором находился писатель. Нас тесно обступают приметы прошлого времени. Гравюры, литографии, рисунки — уникальные свидетельства о Петербурге XIX — начала XX столетия, надежный «путеводитель» по городу, в архитектурном облике которого теперь многое сдвинулось, исказилось или вовсе исчезло. Портреты современников воссоздают окружение писателя. Назначение некоторых предметов, прежде столь распространенных, теперь уже не всякому понятно. Зачем, например, нужна маленькая бронзовая лопаточка? Оказывается, исписанные страницы раньше посыпали песком — еще не было промокашки...

А это что за странные ножницы? Ими можно было аккуратно, не запачкавшись, снять нагар со свечи...

Знакомы ли вам прототипы литературных героев Тургенева? Здесь, в музее, они представлены в рисунках, портретах и фотографиях. В зале Толстого над витриной с десятью черновыми вариантами романа «Анна Каренина» висит портрет старшей дочери А. С. Пушкина Марии Александровны Гартунг. Некоторые черты ее внешности писатель воспроизвел в облике Анны Карениной.

Как современники оценивали творчество писателей, которые теперь являются классиками русской литературы? Из экспозиции, посвященной И. С. Тургеневу, мы узнаем, насколько триумфальным был путь «Записок охотника» по странам мира: Англии, Франции, Германии, Америке, Австралии...

«Европа единодушно дала Тургеневу первое место в современной литературе», — извещал в 1883 году лондонский журнал «Атенеум». А. Доде писал Тургеневу: «Я с глубоким восхищением прочел „Записки охотника"». Ромен Роллан в юношеском дневнике утверждал, что из каждого рассказа «Записок» «мог бы выйти целый роман Толстого».

«При чтении Ваших сцен из русской жизни мне хочется трястись в телеге среди покрытых снегом полей и слушать завывание волков!» — обращаясь к Тургеневу, экспансивно восклицал Гюстав Флобер.

На основе богатейших материалов и превосходных экспонатов Литературного музея созданы многие художественные и документальные фильмы, которые вы могли видеть в кино и с телеэкрана. Это «Левша» по повести Н. С. Лескова, «Преступление и наказание» по роману Ф. М. Достоевского, «Александр Блок», «Михаил Шолохов», «М. Ю. Лермонтов — художник»...

Михаил Юрьевич Лермонтов в своих стихах достиг вершин русской поэзии. Талант редко бывает однозначным. Лермонтов был и отменным рисовальщиком, тонким художником. Портреты, зарисовки, пейзажи помогают глубже понять его литературное творчество. Недаром для иллюстраций его произведений часто воспроизводят картины, которые собраны в Лермонтовском зале. За стихотворение «Смерть поэта» Лермонтова сослали

на Кавказ. И большинство картин — виды Кавказа. У Лермонтова была поразительная зрительная память. Он как будто фотографировал виденное. И потом с необыкновенной точностью воспроизводил натуру. Ведь поэт не мог свободно располагаться с мольбертом там, где шли военные действия, Кавказ был тогда далеким от России, опасным местом, «отечеством лихорадок», как его называли. Никто не ездил туда специально рисовать. Поэтому Лермонтов не имел предшественников в написании пейзажей и первым воспел Кавказ.

Лермонтов всю свою жизнь был молод. Он так рано погиб — в 1841 году на дуэли, подобно великому Пушкину, подобно Печорину, которого сам назвал «героем нашего времени». Немного дошло до нас вещей Лермонтова: офицерские эполеты, подзорная труба, разрезной ножик для бумаги и карандаш, вынутый после дуэли из его кармана. Но как сильно отзывается в сердце один вид этих скромных предметов, принадлежавших капитану пехотного полка и поэту, певцу России... Сегодня даже страшно представить, что мы никогда не увидели бы поразивших нас экспонатов, не будь людей, умеющих хранить и понимающих важность сохранения реликвий отечественной культуры.

Литературный музей Пушкинского дома самим своим прекрасным существованием учит нас, что необходимо сохранять и сегодняшние культурные ценности, будущие приметы нашего времени. Из трех делений времени самое ответ-

ственное — настоящее, самое манящее — будущее, самое богатое — прошлое. Настоящее постепенно ускользает, непрерывно отходит в прошлое, отойдет и будущее. Забывать об этом неразумно. Сейчас предметы и вещи исчезают еще быстрее—выпускаются новые, современные: кажется, что старые еще существуют, их так много, а вдруг выясняется, что трудно разыскать для киносъемок номерной знак дома 50—60-х годов, старый репродуктор — черную «тарелку», — по которому велись передачи во время войны. Через 100, 50 или даже 30 лет большую историческую, духовную ценность будут представлять книги, которые вы сегодня читаете, газеты, журналы наших дней, семейные фотографии и документы. Многое из того, что нас теперь окружает, нам служит, может в будущем рассказать потомкам о нашей эпохе.

Заключает Литературный музей зал Н. В. Гоголя. В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: «Влияние Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только все молодые таланты бросились на указанный им путь, но и некоторые писатели, уже приобретшие известность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежний».

Среди портретов, книг, документов и черновиков рукописей — подлинные купчие на продажу крепостных. Вот пожелтевший лист с гербовой печатью — горькая иллюстрация к поэме «Мертвые души»: «Матрена Ивановна, дочь Бибикова, а по муже Авдеева, продала поручику Филипу

Фокину, сыну Бирюлину крепостного своего крестьянского сына Степана Семенова, холостого, на своз с земли. А взяла я, Матрена, за оного крестьянского сына у него, Фокина, денег тридцать рублей. И вольно ему, Филипу и наследникам его оного крестьянского сына Степана Семенова кому пожелают продать, заложить и во всякие крепости укрепить».

В экспозиции меня особенно привлек большой фрагмент, посвященный «Ревизору». К тому времени как Гоголь начал эту пьесу, он был уже известным писателем, автором дивных «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он мечтал написать комедию, содержание которой было бы взято из реальной жизни. Зная об этом, Пушкин подсказал ему сюжет будущего «Ревизора» и даже подарил рисунок городничего в зеленом мундире и треуголке. Этот рисунок — здесь, в музее, на стене, вместе с программой первого представления пьесы Гоголя в 1836 году. 157 лет назад зрители читали ее текст: «На Александринском театре сегодня в воскресенье, 19 апреля, российскими придворными актерами представлены будут в первый раз «Ревизор», оригинальная комедия в пяти действиях, соч. Гоголя... и «Сват Гаврилыч и сговор на яму», картина русского народного быта с разговорами, песнями, куплетами и играми, соч. г. Огюста. Начало в 7 часов».

Поперек программки размашисто — запись инспектора актерской труппы А. И. Храповицкого о том впечатлении, которое произвела на него комедия Гоголя: «Пьеса весьма забавна, только

нестерпимое ругательство на дворянство, чиновников и купечество».

Но в экспозиции есть еще один портрет — городничего города Устюжны Ивана Александровича Макшеева. У этого портрета необычная история... Глава «Чисто русский анекдот» приведет нас к прототипам «Ревизора».

Мы вспомним о людях — искателях, фанатиках, — без деятельности которых немыслимо пополнение музейных сокровищ. Знатоки литературы, истории, они роются в архивах, библиотеках, ищут давно пропавшие, заблудившиеся в мире старые документы, картины, портреты. Трудности и неудачи не останавливают их. Они верят, что найдут, и действительно находят. Благодаря их бескорыстным стараниям, энтузиазму обогащается история русской культуры.

ЧИСТО РУССКИЙ АНЕКДОТ

«Ах, какой скверный городишко!» Молодой человек в партикулярном платье рассеянно кружил по улицам, думал: не пройдет ли аппетит. «Нет, черт возьми, не проходит! И в лавках ничего не дают в долг». Мысли тоже кружились, не давая сосредоточиться на чем-нибудь одном. «Ничего нет, ни театра, ни живых картин, только церкви. Скорее бы домой, надоело в дороге». Приезжий перемигнулся с хорошенькой купчихой, а мысли снова запрыгали: «Не стать ли монахом, а? Отрастить волосы...

И бороду! Впрочем, нет, монахи не курят трубки. Какая жизнь без трубки! Экая бестия трактирщик: «Шутить не буду, прямо на съезжую, да и в острог!» Ежели и в самом деле потащит?» По дороге, взметнув белую пыль, промчалась коляска. «А то закатиться бы сюда в карете с фонарями, как флигель-адъютант из Петербурга с ревизией! Вот бы все переполошились: «Кто такой, что такое?» А я бы...»

Молодой человек, насвистывая «Не шей ты мне, матушка», спускался по горбатой улочке. Тоненький, худенький, в своем фрачишке он прыгал по камням, как муха с обрезанными крыльями. И тут он увидел городничего. Тот был при всей форме — в зеленом мундире, из-под полы которого свисала печать, при шпаге и треуголке.

— Изволите осматривать расположение?

— Милостивый государь, — бесцеремонно разглядывая городничего, сказал приезжий, — а где у вас острог?

Градоначальник смешался:

— Помилуйте, зачем же так прямо — острог? Позвольте представиться: здешний городничий... С кем имею честь?

Покрутив каблуком, молодой человек вскинул голову, отрывисто и неожиданно для самого себя сказал:

— Чиновник канцелярии... м-м... Третьего отделения его высокопревосходительства графа Бенкендорфа.

Городничий крякнул, вытянул задрожавшие руки по швам и, согнувшись, едва выговорил:

— Желаю здравствовать!

Так или примерно так в маленьком городе началась знаменитая история, над которой смеются полтора столетия. Конечно, фамилия молодого вертопраха была не Хлестаков. А какую фамилию носил прототип городничего? Да и существовал ли он, этот прототип? Произошла ли в самом деле где-нибудь эта история? Где?

«Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию... духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее черта», — писал Гоголь Пушкину 7 октября 1835 года. О том, что фабула «Ревизора» принадлежала Пушкину, Гоголь позже записал в «Авторской исповеди». Да и сам Пушкин называл себя «крестным отцом» комедии. По-видимому, Пушкин рассказал Гоголю несколько версий о мнимом ревизоре, в том числе происшествие, связанное с известным романистом, историком П. П. Свиньиным, и случай, происшедший с самим Пушкиным в Нижнем Новгороде. В бумагах Пушкина есть набросок неосуществленного замысла, очень напоминающий «Ревизора». Однако возможно, что слухи о мнимых ревизорах были известны Гоголю и из других источников. В те годы история эта ходила как анекдот. Называли разные города, где появился «ревизор», и в том числе город Устюжну, в котором жил одураченный городничий.

В самой Устюжне и долго спустя были убеждены в том, что Гоголь «списал» своих героев с людей, живших когда-то в этом небольшом провинциальном

городке. Устюжане так уверовали в географический адрес «Ревизора», что показывали приезжающим дом унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекла», и пустырь, где стояла лавка купца Абдулина. Историки и филологи не принимали всерьез географическую версию знаменитой комедии. Ее образы были так типичны для того времени: городничие, не любившие «пропускать того, что плывет в руки», взяточники-чиновники, держиморды.

Первый черновой вариант «Ревизора» был готов в конце 1835 года, но писатель снова и снова переделывал комедию, даже тогда, когда она уже ставилась на сцене. Образы героев стали нарицательными, распространение комедии и ее популярность все расширялись. Случилось так, как в сердцах предсказывал Сквозник-Дмухановский: «Вот смотрите, смотрите, весь мир... все смотрите, как одурачен городничий! ⟨...⟩ Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю... найдется щелкопер, бумагомарака в комедию тебя вставит».

Последние исправления Гоголь внес в текст комедии в 1851 году.

...А через 95 лет профессор В. Е. Евгеньев-Максимов принес в музей Пушкинского дома портрет гоголевского городничего. Нет, вовсе не карикатуру. Обыкновенный, заказной акварельный портрет, рисованный неизвестным художником. В тот день он переходил из рук в руки: «Похож!» Изображение почти в точности следовало гоголевскому описанию: «Уже постаревший на службе и очень не-

глупый по-своему человек. ⟨...⟩ Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами... Волоса на нем стриженые, с проседью». Человека на портрете звали Макшеевым Иваном Александровичем. И он действительно был устюженским городничим, и именно в те годы, когда Гоголь начал писать свою комедию.

Профессор получил портрет от старого школьного учителя города Устюжны, Андрея Александровича Поздеева.

«Может быть, это и в самом деле гоголевский городничий», — говорили одни. Ведь писатель В. А. Соллогуб вспоминал, что Пушкин рассказал Гоголю и про историю, случившуюся в городе Устюжне, Новгородской губернии, где какой-то проезжий господин, выдав себя за чиновника министерства, обобрал всех городских жителей.

Другие научные сотрудники все-таки сомневались: мало ли мужских портретов со стрижеными волосами да в мундирах. Нужны точные доказательства... Старый учитель тоже понимал это, хотя полностью был уверен в достоверности и портрета, и всей этой замечательной истории. Ему не хватало только одного документа. Но он уже знал, что документ существует...

Андрей Александрович любил свой маленький, древний город с таким славным и старинным русским именем. Его произносили не спеша, про-

тяжно и вкусно: Устю-ж-на... Он любил его древний собор, узкие тенистые улицы, покрытые мягкой белой пылью, с гордостью показывал приезжим деревянный дом с колоннами, где жил писатель Куприн. Учителя поражала устойчивость легенды, в которую верили устюжане. Что же было известно Гоголю об Устюжне, бывал ли он в этом городке? Старик перечитывал снова все сочинения писателя. И в «Тяжбе» наконец нашел фразу: «Знавали ли вы в Устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Меринову?» Это та самая помещица, которая как бы в насмешку оставила племяннику «три стаметовых юбки» да еще в завещании вместо слова «Евдокия» почему-то написала «обмокни». В «Мертвых душах» был упомянут Весьегонск, соседний с Устюжной город. Что-то знал Гоголь о глухих этих местах, иначе бы их в текст не вставил. Значит, искать стоит. Тогда учитель решил узнать фамилии всех городничих Устюжны. И в Новгородском областном архиве обнаружил целый список! В 20—30-х годах XIX века градоначальником был Иван Александрович Макшеев. Ну, а теперь следовало разыскать в городе его внуков и правнуков. Задача казалась простой. Но тут-то Поздеева постигла неудача. Макшеевых в городе не оказалось. Однако старожилы вспомнили своего земляка — географа, исследователя генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Макшеева. Не сын ли городничего? До революции он жил в Петербурге и преподавал в академии Генерального штаба. Поздеев поехал в Ленинград. В Ленинграде ему рассказали, что на Петроградской стороне живет 80-летняя дочь

географа. Дверь открыла сама Наталья Алексеевна Макшеева. Учитель представился, сказал, что просит поделиться семейными воспоминаниями о деде и об отце. Макшеева насторожилась. Потом резко ответила:

— Да ведь это старый вздор, одна молва.

— Что вздор?

— Да все, что изволил утверждать Гоголь-Яновский. Отец неоднократно слухи эти опровергал. Он рассказывал, я помню... — Наталья Алексеевна раздражалась все сильнее. — Никаких богоугодных заведений в Устюжне не было! — воскликнула она. И насмешливо добавила: — Стало быть, не было и попечителя Земляники, и больных, которые «походили на кузнецов»!

— Однако ведь училища были, наверное? — парировал Андрей Александрович.

— Были. Но учитель истории не ломал стульев! — Старуха вдруг неожиданно тихонько засмеялась: — Зато он порол всех учеников подряд посередь класса! Моему отцу от него тоже досталось...— Она закашлялась и схватила толстую папиросу. В комнате стало светлее: солнце лучом задело дворколодец. Поздеев вдруг увидел, как худа и болезненна эта старая женщина.

— Наталья Алексеевна, вы неправильно меня поняли. Я никак не хотел сделать посмешище из вашей семьи. Напротив. Миновало столько лет, потомки гоголевских героев прошли за столетия суровый путь русского разночинца-интеллигента. Они могут не стыдиться своих прадедов. В нашей Устюжне создается краеведческий музей...

Собеседница задумчиво постукивала мундштуком потухшей папиросы.

— Кстати, в вашей Устюжне у дальней родственницы находится портрет моего деда. «Зачем ума искать и ездить так далеко», — ехидно процитировала Наталья Алексеевна. Однако заметно было, что она понемногу оттаивала.

Но какова новость! Поздеев не сразу нашелся, что и сказать, перехватило дыхание. А внучка устюженского городничего вдруг вздохнула, потерла высохшей рукой желтоватый лоб и сказала:

— Да, пожалуй, теперь нашим внукам будет эта история безразлична и так же смешна, как всем прочим. Я открою вам и еще одну маленькую тайну: кто-то из Макшеевых хранит запрос новгородского губернатора Денфера к моему деду. Нет, нет! — Она предостерегающе подняла руку. — Рассказывать содержание не буду. Если найдете, сами увидите, что́ попало вам в руки...

В Устюжне Андрей Александрович действительно разыскал и получил портрет Макшеева. Владелица, укладывая акварель в папку, говорила:

— Что-то, конечно, было правдой. Ну, а другое придумал Николай Васильевич, сатирически обработал. Как для актеров он характеризует городничего? — И, припоминая, иногда останавливаясь, сказала наизусть: — «Одна из главных ролей — есть городничий. Человек, больше всего озабоченный тем, чтобы не пропустить того, что плывет в руки. Из-за этой заботы он, может быть, и сам не чувствует, как сделался притеснителем, потому что злобного желания притеснять в нем нет...»

Учитель понял и по-человечески оценил это естественное желание защитить предка, родоначальника большой семьи. Он спросил:

— Не знаете ли вы, бывал ли Гоголь в Устюжне?

— Не знаю. В любом случае это бы скрыли. Люди видели в Макшеевых прямых потомков Сквозник-Дмухановского...

Андрей Александрович писал по многим адресам. Он искал запрос губернатора. Однако на письма учителя никто не отвечал. Что за таинственные причины заставляли молчать потомков? Но все же ему удалось узнать имя женщины, хранившей документ. В Новгородской области он наконец нашел 76-летнюю Евгению Алексеевну Синявину. Долгие искания утомили старого учителя, а нетерпение подгоняло. Поздоровавшись, он без предисловия решительно сказал:

— Письмо губернатора Денфера городничему Макшееву у вас. Это мне известно точно.

Женщина молча ушла в другую комнату и исчезла там на целую вечность. В доме было тихо, только торопились, бежали смешные ходики на стене: зеленый заяц весело стрелял глазами: влево-вправо, влево-вправо.

Женщина появилась наконец, держа в руках толстую старинную книгу в кожаном переплете. Медленно перелистала страницы и вынула желтый, блекло исписанный лист. Сверху значилось: «Запрос губернатора Новгородской губернии А. У. Денфера устюженскому городничему И. А. Макшееву о пребывании в Устюжне неизвестного, выда-

вавшего себя за ревизора». Глаза учителя побежали по строчкам.

«...Милостивый государь мой, Иван Александрович! Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с мальтийским знаком проживает во вверенном вам городе более пяти дней, о причине долгого его нахождения... никто из жителей, даже и вы сами не знаете, почему необходимостью считаю иметь от вас сведение, по какому случаю проживает он в Устюжне, не входил ли в общественные собрания и в присутственные места?»

Итак, версия подтвердилась. Именно там, в Устюжне, произошла история, которая легла в основу знаменитой комедии.

В Литературном музее Пушкинского дома рядом с портретом Макшеева появился второй экспонат — запрос новгородского губернатора. Версия-то подтвердилась, но история на этом не кончилась...

* * *

Итак, гоголевский городничий существовал. Он жил в Устюжне и носил фамилию Макшеев.

А что Хлестаков, был ли он?

Помните, в комедии городничий получил письмо, предупреждающее о приезде чиновника, с предписанием осмотреть всю губернию. С письма-то все и началось...

Ревизор едет под видом частного лица. Этим Антон Антонович особенно напуган. И снятся ему черные неестественной величины крысы. Не к добру! Он в нервном смятении — откуда грянут на-

пасти? Вокруг него чиновники несут всякий вздор о возможной войне с турками, Ляпкин-Тяпкин жужжит под ухом о собаках и охоте на зайцев...

А городничий потерял голову от страха и уже готов совершить любую ошибку. «Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шасть...»

Дверь действительно отворилась, и, запыхавшись, вошли Добчинский и Бобчинский:

«Чрезвычайное происшествие!»

«Неожиданное известие!»

«Молодой человек, в партикулярном платье, живет в трактире, ни копейки не хочет платить... И подорожная прописана в Саратов! Такой наблюдательный: все осмотрел!..»

А как узнал о мнимом ревизоре городничий Устюжны Макшеев? Истинные события так переплетаются с литературной версией, что уже трудно отличить, где кончается реальность и начинается писательская фантазия.

Какими словами начал свое письмо Макшееву новгородский губернатор Денфер? «Известясь частно...» То есть, попросту говоря, Денфер получил донос. В нем писали о странном человеке, приехавшем в Устюжну. Чем же он странен? Живет пять дней, никто его не знает, а он всюду ходит, рассматривает, любознателен с излишком. Страшная догадка потрясает Денфера. Он тревожно спрашивает у Макшеева, не входил ли приезжий в общественные собрания и присутственные места. Городничий мгновенно понял причину беспокойства губер-

натора. Кого могут интересовать городские учреждения? Только чиновника, прибывшего с ревизией. Письмо Денфера извещало Макшеева о приезде инкогнито. Таким образом, Денфер сыграл роль Добчинского и Бобчинского!

Макшеева первым одурачил Денфер... Но и губернатор введен в заблуждение доносом. А если в самом деле ревизор? В уездах ведь черт знает что творится. Вдруг заглянет в присутствие, а там в передней сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками... А то и заседателя увидит, которого в детстве мамка ушибла и с тех пор всегда от него отдает немного водкою... И тогда... «А кто, — спросит он, — здесь городничий?» — «Макшеев». — «Подать сюда Макшеева! А кто начальник губернии?» — «Губернатор Денфер». — «Подать сюда Денфера!» Вот что худо...

Не оттого ли запрос новгородского губернатора полтора столетия хранился в тайниках семьи Макшеевых? Его берегли как оправдательный документ! Дескать, над кем смеетесь? Одурачен-то был губернатор! А Макшеев выполнял его распоряжение. После статей о находке А. А. Поздеева заговор молчания нарушился. Неожиданный толчок пробудил архивные залежи. Старые документы словно ожили, стали выбираться на свет будто сами собой, вздыхая и кряхтя: пора, пора... Учителю присылали для музея газеты, рисунки Устюжны, портреты чиновников — и все это «макшеевского» времени!

А в 1972 году в Литературный музей Пушкинского дома поступил документ, о существовании ко-

торого как-то никто и не думал: ответ Макшеева Денферу! 29 мая 1829 года Макшеев докладывал о том, что узнал: «...Точно 10 мая был приехавши в вверенный мне город отставной подпоручик вологодский помещик Платон Григорьевич Волков, — расположился в квартире...». Городничий немедленно выполнил указание Денфера. Он пишет: «Я был у него».

И пошло, и завертелось... Предположение губернатора о ревизии у испуганного Макшеева превратилось в уверенность. И ему не милы стали зайцы... Сумасбродные действия мнимого ревизора были так хаотичны и необъяснимы, что казались каким-то необыкновенным, коварным планом. Градоначальник Устюжны потерял разум и, как гоголевский Сквозник-Дмухановский, уже не знал, «что и делается в голове: или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить».

Макшеев сообщал губернатору: «В присутствие он не входил, а был у меня в городническом правлении, просил показать ему острог...». Этот неясный, но устойчивый интерес к острогу привел чиновников маленького городка в особенно нервное состояние. А приезжего вдруг понесло в собор. Потоптавшись на каменном полу, он внезапно попросил протопопа показать ему ризницу. Чиновники отчаянно напрягались, соображая: какая связь между всем этим? Чтобы отвлечь внимание высокого гостя на простые и более понятные вещи, штаб-лекарь пригласил его в лазарет (где «все как мухи... выздоравливают»). Затем у лекаря оказались именины. После «губернской мадеры» да рыбки «лабардан»

как будто все начинало налаживаться. Но суматошный бес еще «помыкал» «ревизором». Макшеев доносил губернатору, что он «сам по себе» побывал в духовном и городском училищах. Тогда именины участились. Приезжего наперебой приглашали в разные дома — к городничему, исправнику, откупщику. ...Ответ Макшеева Денферу затребовал Бенкендорф, начальник корпуса жандармов и Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. В архиве Третьего отделения и нашел этот ответ житель Вологды В. К. Панов. От него документ поступил в Пушкинский дом.

Владимир Капитонович интересовался историей села Выдрина. Он узнал, что в 20—40-е годы XIX века Выдрино принадлежало помещику Платону Григорьевичу Волкову. Панов вспомнил, что современники Гоголя, пересказывая варианты истории о мнимом ревизоре, упоминали и о каком-то вологодском помещике Волкове... Стал искать дальше. Оказалось, что в архиве Вологды сохранилось дело Волкова и обширная переписка. Благодаря находкам раскрывалась скандальная история...

Почему шефа жандармов вдруг заинтересовало путешествие вологодского помещика? Ведь Макшеев не признался в письме, что был им обманут?

Но вот что доложил генерал-майор Балабин, начальник 1-го округа корпуса жандармов, 5 июля 1829 года Бенкендорфу:

«...В Вологде есть слухи, что Волков, проезжая через Устюжну, выдавал себя за чиновника канцелярии вашего высокопревосходительства, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лоша-

дей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию».

А кто такой Волков? Бенкендорф о нем уже знал... За год до этих событий в Вологду с ревизией приехал флигель-адъютант. Волков видел, как «козырем» промчался в карете с фонарями настоящий ревизор. И запомнил. Кое-что в поведении ревизора не понравилось Волкову. Он сочинил стихи с явным намеком на разоблачение и послал их флигель-адъютанту:

Вы знаете, Парнас
Хоть создан не для нас,
Но можем понемногу
Туда занесть мы ногу...
И под сердитый час,
Когда возьму я лиру,
Ей-ей... беда. Сатиру
Я напишу на вас...

Флигель-адъютант обиделся и доложил в Петербург.

Стихи совсем в духе гоголевской комедии. Кажется, мы действительно имеем дело с прототипом Хлестакова. Однако мало ли бывает совпадений!

Что же еще сообщили на запрос Третьего отделения? Что Волков имеет острый и дерзкий ум, склонность к карточной игре и мотовству. Беспутный помещик «без царя в голове», проиграл состояние жены, за ним долгов на 50 тысяч рублей. Снова многое сходится с образом Хлестакова...

Позже шеф жандармов получил и другое донесение от вологодского жандармского подполковника

Соколова — о том, что Волков во время пребывания в Устюжне, «пользуясь легкомыслием некоторых лиц... выдавал себя за какого-то ревизора».

Бенкендорф сведения изучал, но никаких приказаний не отдавал и полицейских мер не предпринимал. Почему? Попробуем выяснить. Мы знаем, что Пушкин рассказал Гоголю несколько версий для будущей комедии. Но об истории в Устюжне, о судьбе и характере мнимого ревизора Гоголь мог получить подробную информацию от генерал-майора Балабина. Писатель не только хорошо знал генерала, но был близок его семье. В 1831 году, будучи преподавателем Патриотического института в Петербурге, он давал частные уроки детям Балабина.

А не мог ли Гоголь видеть Волкова в Петербурге или что-нибудь слышать о нем? Из документов известно, что в 1834 году Волков в Петербурге «составил программу на издание журнала», собрал по подписке деньги и «ничего не выполнил». Журнальный круг в столице довольно тесен. О незадачливом «литераторе», конечно, говорили, на него показывали пальцем, смеялись: «Глядите, Николай Васильевич, тот самый Волков, что одурачил всю Устюжну!» И Гоголь, усмехаясь, дописывает в текст письма Хлестакова, которое в комедии «взял да и распечатал» почтмейстер Шпекин, еще несколько фраз: «Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь, наконец, пищи для души».

Как же все-таки Платону Григорьевичу все сходило с рук — мошенничество, вымогательство? (Обманут целый город!)

Вспомним комедию. «Как-с? Изволите ехать?»— спросил одураченный городничий, уже ничего не понимая из происходящего. «А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?» — «А это... — удивившись, протянул Хлестаков и быстро добавил: — На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик...» Хотел еще подмигнуть, но раздумал. Ямщик кричал уже лошадям: «Тпр!», Авдотья тащила в коляску персидский по голубому полю ковер...

А что, уезжая из Устюжны, сказал Макшееву мнимый ревизор Волков? Почти то же самое: что едет в Петербург к богатому дяде. И даже оставил адрес: Литейная часть, Фурштадская улица, близ кирки святой Анны, собственный дом Боборыкина.

Конечно, и первый, и особенно второй «богатый дядя» — миф. Надуть, смошенничать, да еще и точный адрес оставить, — так сказать, пишите письма!

А вдруг? Вдруг, несмотря на анекдотичность ситуации, адрес верен и дядя существует? В этой истории такой фейерверк переплетений... Смотрю в Публичной библиотеке справочник «Весь Петербург», изданный Самуилом Аллером...

Пожалуйста! «Фурштадская улица, № 562, собственный дом Боборыкина». Домовладелец — обер-прокурор сената, его отец — действительный статский советник — был близким другом князя Потемкина, известного фаворита императрицы Екатерины II. Ай да дядя!

Из переписки Третьего отделения выяснилось, что Волков был женат на графине Белинской, а ее сестра вышла замуж за графа Бобринского. Родо-

начальника Бобринских считали сыном Екатерины II. Он «родился в Зимнем дворце» (как сказано в старинном Биографическом словаре). При такой родне Волков мог куролесить как угодно. И знал об этом. ...Судьба Хлестакова остановилась для нас на слове «конец», заключающем великую комедию. А как продолжал жить его прототип?

В 1834 году Волков внезапно появился в Вологде с длинной бородой, в монашеском подряснике, целыми днями босиком колесил по улицам из одной церкви в другую... Видно, немалый актерский талант пропадал в этом человеке. В литературе в моду входил разочарованный герой — и Волков собрался поступить в монастырь! Но вся Вологда знала, что по вечерам в трактирах он курит трубку и режется в карты! Однако ж это тоже надоело. Сбрил бороду и, как сообщал вологодский жандармский подполковник, «собирается ехать в Петербург к своему другу Трубачеву».

У Хлестакова тоже был друг Тряпичкин Иван. А что, если... И опять смотрю справочник. В Петербурге жил один-единственный Трубачев — Иван, за Лиговкой, в Каретной части. Похоже, что и «душа Тряпичкин» — реально существовавшее лицо? А почему бы и нет? Впрочем, какой адрес пишет на конверте Хлестаков? «...В Почтамтскую улицу в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Но ведь это же адрес самого Гоголя!

Он изменил только улицу. Писатель с 1833 года, то есть во время работы над «Ревизором», жил на Малой Морской в доме придворного музыканта

Лепена № 97. И вход в его квартиру тоже был со двора, в третьем этаже. Но в комедии нужна была именно Почтамтская улица, чтобы испуганный Шпекин взглянул на адрес и обомлел: «верно беспорядки нашел по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал письмо.

На верхних этажах здания почтамта (бывшего «Почтового стана») располагались квартиры почтовых чиновников. На противоположной стороне Почтамтской улицы (ныне улица Союза Связи) находилось почтовое управление.

История гоголевской комедии непроста, так же как и ее судьба.

День первой постановки «Ревизора», 19 апреля 1836 года, сделался великим днем русского театра. Пьеса произвела на публику ошеломляющее впечатление. Присутствующий на представлении комедии в Александринском театре император сказал, смеясь: «Тут всем досталось, а больше всего мне!»

Почему же, однако, такой шум в Петербурге? Мало ли что там произошло за тридевять земель в провинциальном городке? Пьесу ругали и жадно посещали. Мнения о ней и о Гоголе были прямо противоположны. «...К его таланту, — писал В. Г. Белинский, — никто не был равнодушен: его или любили восторженно, или ненавидели». Современники свидетельствуют о том, что комедию горячо приняли простолюдины, которые на себе испытывали тяжесть зависимости от «хозяев жизни». Но другие...

«Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так

говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня», — писал Гоголь.

Реакционная журналистика назвала комедию «грязной клеветой на Россию». Фаддей Булгарин, автор одной из самых яростных рецензий, утверждал, что в России нет и не может быть такого города, который выведен в пьесе. Против автора восстает и высший петербургский свет. Внутри его клокотала от злобы большая и сильная группа. Графы — и Бобринские, и Белинские, именитые Боборыкины, — вероятно, еще раньше сделали все, чтобы заглушить разговоры о неблаговидных поступках родственника. Не желал шума и Бенкендорф. Ведь пустомеля назвался чиновником именно Третьего отделения. И ему сразу поверили! Обидно. Как будто в этом отделении мошенников и взяточников больше, чем в других... Уже казалось, что все слухи о подлинной истории, случившейся в Устюжне, затихли. И вдруг эта комедия! Да еще на императорской сцене! Общий приговор был злобен: «Это — невозможность, клевета и фарс!»

Враждебные толки о «Ревизоре» потрясли Гоголя: «...тоска, тоска! Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска... Я устал и душой и телом... мне опротивела моя пьеса», — писал он одному из литераторов.

Гоголь сочиняет развязку «Ревизора». Оказывается, город, выведенный в пьесе, — это «наш душевный город», который «сидит у всякого из нас». А ревизор — «наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг разом взглянуть во все глаза на самих себя». Но уже поздно! И сам автор не волен,

не в силах что-либо менять... Герои родились и продолжают жить.

«Эй, вы, залетные!» — кричит ямщик. Лошади трогают, берут разбег — и вот он, по всей дороге заливает колокольчиком, разносит по всему свету историю.

Стучит об пол в злом отчаянии городничий: «Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит!». «...Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. мошенников над мошенниками обманывал... Трех губернаторов обманул!..»

И видит вокруг одни свиные рыла вместо лиц.

А из маленькой квартирки, что «поворотя на двор, в третьем этаже направо», выходит с трубкой в зубах веселый щелкопер.

«Эге, — говорит он, — да нам письмо...»

Вот так сюжет! «Русский чисто анекдот... духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее черта!»

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Добринская Лилия Борисовна

РАССКАЗЫ ИЗ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Ответственный редактор О. В. Москалёва.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. Д. Раткевич.
Корректоры В. Г. Арутюнян и Л. А. Бочкарёва.
ИБ 6650

Сдано в набор 7.04.83. Подписано к печати 12.09.83. Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,15. Усл. кр.-отт. 14,79. Уч.-изд. л. 6,02. Тираж 100 000 экз. М-37401. Заказ № 493. Цена 40 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Добринская Л. Б.

Д 56 Рассказы из Пушкинского дома: Эссе/ Худож. Г. Фильчаков. — Л.: Дет. лит., 1983. — 175 с., ил.

В пер.: 40 коп.

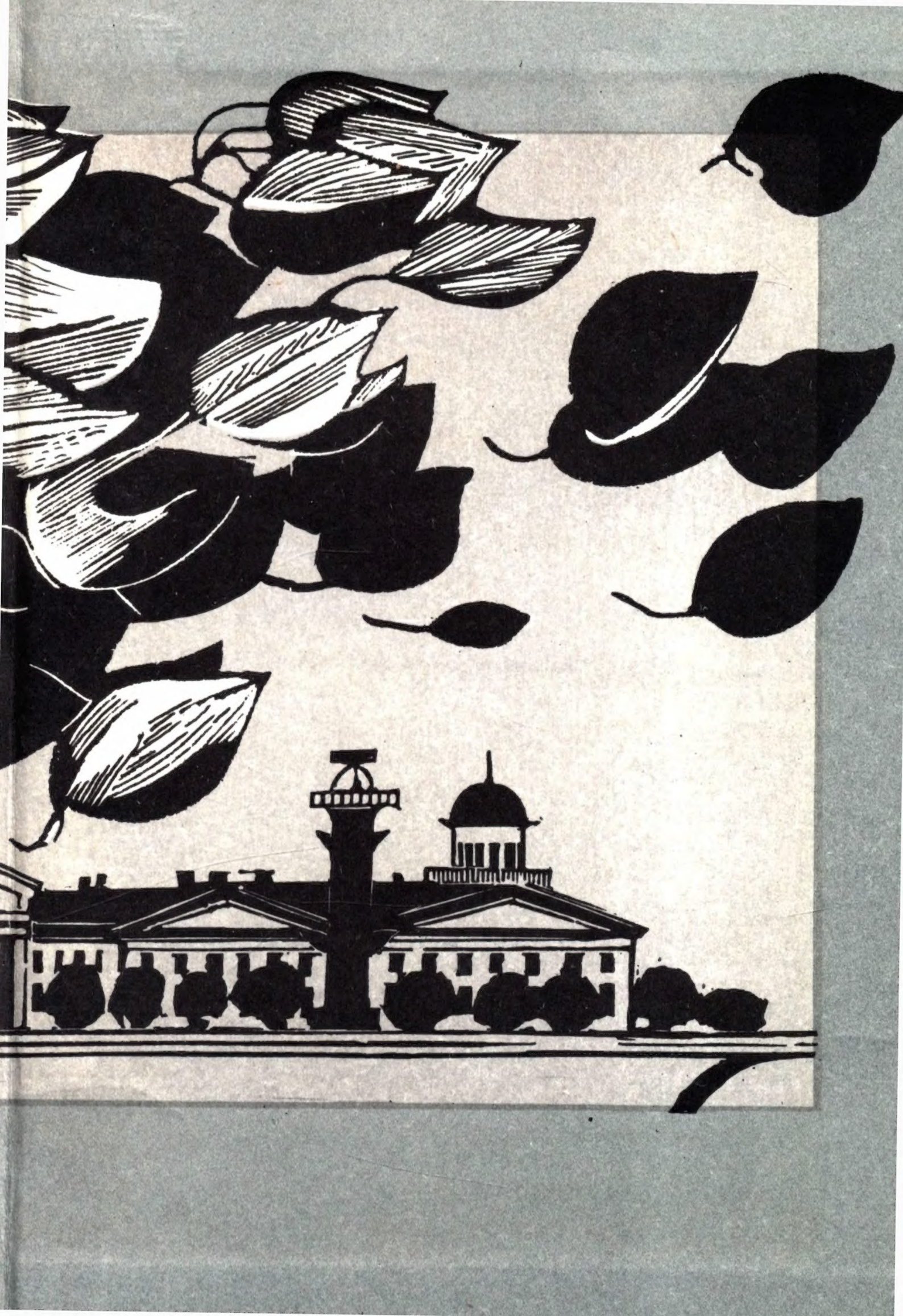
Автор рассказывает об истории Пушкинского дома — старейшего научно-исследовательского учреждения России, о сложной и увлекательной судьбе его редчайших экспонатов: рукописей, книг, портретов. Читатель также узнает о сегодняшней работе и исследованиях ученых Института русской литературы АН СССР.

Д $\frac{4802000000-178}{М101(03)-83}$ 445—83 8

ага
сл.
на
ва
ая
це-
о-

/

о
-
-
-



40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Л. ДОБРИНСКАЯ РАССКАЗЫ ИЗ ПУШКИНСКОГО ДОМА